

Г. И. Смирнова, М. Ю. Вахтина, М. Т. Кашуба, Е. Г. Старкова

Городище Немиров

на реке
Южный Буг

Приложения

К. Б. Калинина,
А. Закошьцельна,
М. Кершнер и Х. Моммзен,
С. В. Хаврин

THE STATE HERMITAGE MUSEUM	ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES	РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
INSTITUTE FOR THE HISTORY	ИНСТИТУТ ИСТОРИИ
OF MATERIAL CULTURE	МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

THE STATE HERMITAGE MUSEUM
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

G. I. Smirnova, M. Ju. Vakhtina, M. T. Kashuba, E. G. Starkova

Nemirov Hill Fort on South Bug River

**According the excavation materials of the 20th century from collections
of the State Hermitage Museum and documents kept in IHMC RAS**

With the Supplements by
K. B. Kalinina, A. Zakościelna, M. Kerschner and H. Mommsen, S. V. Khavrin

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Г. И. Смирнова, М. Ю. Вахтина, М. Т. Кашуба, Е. Г. Старкова

Городище Немиров на реке Южный Буг

По материалам раскопок в XX веке из коллекций Государственного Эрмитажа
и Научного архива ИИМК РАН

Приложения:

К. Б. Калинина, А. Закошьцельна, М. Кершнер и Х. Моммзен, С. В. Хаврин

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований по проекту № 17-01-16507-ОГН, не подлежит продаже

Утверждено к печати Ученым советом ИИМК РАН

Authorized for publication by the Academic Board of the Institute for the History of Material Culture RAS

Ответственные редакторы:

Chief editors:

д. и. н. А. Ю. Алексеев, Ю. Ю. Пиотровский, д. и. н. Ю. А. Виноградов

Dr. hab. A. Ju. Alekseev, Ju. Ju. Piotrovsky, Dr. hab. Ju. A. Vinogradov

Рецензенты:

В. С. Бочкарёв, д. и. н. И. В. Палагуца

Prepublication reviews by V. S. Bochkarev, Dr. hab. I. V. Palaguta

Смирнова Г. И., Вахтина М. Ю., Кашуба М. Т., Старкова Е. Г.

(Приложения: Калинина К. Б., Закосьцельна А., Кершнер М. и Моммзен Х., Хаврин С. В.)

Городище Немиров на реке Южный Буг. По материалам раскопок в XX веке из коллекций Государственного Эрмитажа и Научного архива ИИМК РАН. — Санкт-Петербург: ГЭ; ИИМК РАН; НКТ, 2018. — 336 с. : ил.

Smirnova G. I., Vakhtina M. Ju., Kashuba M. T., Starkova E. G.

(With the Supplements by Kalinina K. B., Zakościelna A., Kerschner M. and Mommsen H., Khavrin S. V.)

Nemirov Hill Fort on South Bug River. According the excavation materials of the 20th century from collections of the State Hermitage Museum and documents kept in IHMC RAS. — St. Petersburg: The State Hermitage Museum; Institute for the History of Material Culture RAS; Neva Book Printing House, 2018. — 336 p. : fig.

ISBN 978-5-9909872-2-7

doi.org/10.31600/978-5-9909872-2-7

Коллективная монография посвящена известному археологическому памятнику — Немировскому городищу на Южном Буге. Основу исследования составили данные, полученные при раскопках городища в XX в. и хранящиеся в Научном архиве Института истории материальной культуры РАН, архиве и коллекциях фондов Отдела археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург). Рассмотрена история изучения памятника С. С. Гамченко (1909 г.), А. А. Спицыным (1910 г.) и М. И. Артамоновым (1946–1948 гг.). Подробно освещены два периода заселения территории городища: в энеолите (трипольская культура) и в раннем железном веке (раннескифская культура). Показано значение городища в раннем железном веке, когда в его материальной культуре отложились западный гальштаттский (в широком значении этого термина) импульс и ранние контакты с греками. Предложена общая схема развития материальной культуры Немировского городища в разные исторические эпохи — от энеолита до новейшего времени. Книга состоит из шести глав и девяти приложений, которые включают каталоги индивидуальных находок трипольской культуры, каталог греческой архаической керамики, а также результаты естественнонаучных анализов керамики трипольской культуры, восточногреческой керамики и поверхности ручки бронзового зеркала. Многие архивные материалы и находки из коллекций впервые вводятся в научный оборот.

Издание предназначено для археологов, историков, специалистов в смежных областях науки, студентов и всех, интересующихся археологией и древней историей Северного Причерноморья и Европы.

The collective monograph is devoted to the famous archaeological site – Nemirov hill-fort on South Bug. At the basis of investigation are the materials from the excavations of the settlement in the 20th century kept in Scientific Archive of the Institute for the History of Material Culture RAS, Archive and collection funds of the Department of Archaeology of Eastern Europe and Siberia of the State Hermitage Museum (Saint Petersburg). The book reviews the history of the excavation of the site by S. S. Gamchenko (1909), A. A. Spitzyn (1910), and M. I. Artamonov (1946–1948). The book gives a detailed account of two periods of the occupation of the settlement: in Eneolithic time (Trypillia culture) and Early Iron Age (Scythian culture). The authors showed the significance of the hill-fort in the Early Iron Age, when two impulses reflected in its culture — Hallstatt (in the broad meaning of the term) and early contacts with the Greeks. The general scheme of development of the material culture of the hill-fort in different historical periods — from Eneolithic time till modern epoch — has been suggested. The book consists of the six parts and nine supplements, which include the catalogues of individual finds of Trypillia culture, Greek Archaic pottery and the results of natural-scientific analyses of Trypillia pottery, East-Greek pottery and of the surface of the bronze mirror handle. A lot of archive materials and finds kept in collections are published for the first time.

The book is destined to archaeologists, historians, specialists in related sciences, students and all interested in archaeology and history of the ancient Northern Black Sea and Europe.

© Государственный Эрмитаж, 2018
The State Hermitage Museum, 2018

© Институт истории материальной культуры РАН, 2018
Institute for the History of Material Culture RAS, 2018

© Невская книжная типография, 2018
Neva Book Printing House, 2018

© Смирнова Г. И., Вахтина М. Ю., Кашуба М. Т., Старкова Е. Г.,
Калинина К. Б., Закосьцельна А., Кершнер М. и Моммзен Х., Хаврин С. В., 2018
Smirnova G. I., Vakhtina M. Ju., Kashuba M. T., Starkova E. G.,
Kalinina K. B., Zakościelna A., Kerschner M. and Mommsen H., Khavrin S. V., 2018

Содержание

Предисловие	11
Введение	13
ГЛАВА 1. Немировское городище в работах ученых XX — начала XXI в.	17
1.1. История изучения	17
1.2. Формирование коллекций	44
ГЛАВА 2. Немировское городище как археологический памятник (Г. И. Смирнова, М. Т. Кашуба)	45
2.1. Общая характеристика	45
2.2. Оборонительные сооружения — общие сведения	50
2.3. Состояние источников: полевая и архивная документация	54
2.4. Культурно-хронологические горизонты	70
2.5. О методике работы с материалами	71
ГЛАВА 3. Материальный комплекс Немировского городища в энеолите (трипольская культура) (Е. Г. Старкова)	75
3.1. История исследований, планиграфия	75
3.2. Керамический комплекс	76
3.3. Антропоморфная пластика	110
3.4. Зооморфная пластика	124
3.5. Изделия из глины	130
3.6. Выводы	135
ГЛАВА 4. Материальный комплекс Немировского городища в раннем железном веке (Г. И. Смирнова, М. Т. Кашуба)	137
4.1. Особенности материальной культуры	137
4.2. История формирования коллекции	137
4.3. Изучение коллекции: что остается и что меняется	143
4.4. Объекты и комплексы	145
4.5. Общая характеристика керамического комплекса	168
4.6. Характеристика отдельных категорий находок	180
4.7. Проблема происхождения местной чернолощеной посуды	184
4.8. Некоторые итоги и задачи	192
ГЛАВА 5. Греческая керамика из раскопок Немировского городища (М. Ю. Вахтина)	193
5.1. О формировании и истории изучения коллекции	193
5.2. Общая характеристика материалов	195
5.3. Категории греческой керамики из раскопок Немировского городища	195
5.4. О датах и топографии находок греческой керамики	212
5.5. Место коллекции греческой керамики из раскопок Немировского городища среди синхронных находок античного керамического импорта на других памятниках лесостепи	212
5.6. Находки греческой керамики на Немировском городище в контексте проблемы ранних связей между греческим миром и варварскими центрами Северного Причерноморья	214
5.7. Заключение	221
ГЛАВА 6. Периодизация и хронология Немировского городища в раннем железном веке (Г. И. Смирнова, М. Т. Кашуба, М. Ю. Вахтина)	223
6.1. Периодизация и хронология согласно Г. И. Смирновой	223
6.2. Возможности керамического комплекса для построения периодизации	224
6.3. Хронологические индикаторы	228
6.4. Стратиграфические наблюдения	231
6.5. Обновленная периодизация	231
6.6. Значение и место Немировского городища в раннем железном веке	231
Заключение	234

Послесловие (Г. И. Смирнова)	237
Приложение 1. Исследование материалов и техники росписи керамики трипольской культуры из раскопок Немировского городища. Коллекции Государственного Эрмитажа (К. Б. Калинина)	238
Приложение 2. Антропоморфная пластика трипольской культуры из раскопок Немировского городища. Коллекции Государственного Эрмитажа (Е. Г. Старкова) ..	250
Приложение 3. Зооморфная пластика трипольской культуры из раскопок Немировского городища. Коллекции Государственного Эрмитажа (Е. Г. Старкова) ..	254
Приложение 4. Изделия из глины трипольской культуры из раскопок Немировского городища. Коллекции Государственного Эрмитажа (Е. Г. Старкова) ..	257
Приложение 5. Кремневый и каменный инвентарь трипольской культуры из раскопок Немировского городища. Коллекции Государственного Эрмитажа (А. Закошьцельна) ..	259
Приложение 6. Греческая архаическая керамика из раскопок Немировского городища. Коллекции Государственного Эрмитажа, каталог находок (М. Ю. Вахтина)	276
Приложение 7. Археометрические анализы импортной архаической восточногреческой керамики, найденной на Немировском городище. Коллекции Государственного Эрмитажа (М. Кершнер, Х. Моммзен, перевод М. Ю. Вахтиной)	305
Приложение 8. Результаты рентгено-флуоресцентного анализа поверхности ручки бронзового зеркала из раскопок Немировского городища. Коллекции Государственного Эрмитажа (С. В. Хаврин)	312
Приложение 9. К вопросу культурной атрибуции открытых на Немировском городище погребений (Г. И. Смирнова)	313
Литература и архивные материалы	318
Список сокращений	331
Summary	333

Contents

Preface	11
Introduction	13
CHAPTER 1. Nemirovo hill-fort in the works of scholars of 20 th — beginning of 21 st century	17
1.1. The history of investigation	17
1.2. On the forming of collections	44
CHAPTER 2. Nemirovo hill-fort as an archaeological object (<i>G. I. Smirnova, M. T. Kashuba</i>)	45
2.1. General description	45
2.2. Defensive installations – the general data	50
2.3. The state of sources: field and archive documentation	54
2.4. Cultural and chronological levels.....	70
2.5. On the methods of working at the material	71
CHAPTER 3. Material complex of Nemirovo in the Eneolithic period (Trypillian culture) (<i>E. G. Starkova</i>).....	75
3.1. The history of research	75
3.2. Pottery complex	76
3.3. Antropomorphous plastic arts	110
3.4. Zoomorphic plastic arts	124
3.5. Clay products	130
3.6. Conclusions	135
CHAPTER 4. Material complex of Nemirovo in the Early Iron Age (<i>G. I. Smirnova, M. T. Kashuba</i>)	137
4.1. The peculiarities of the local culture.....	137
4.2. The history of collection forming	137
4.3. The study of the collection: what remains and what changes	143
4.4. Objects and complexes	145
4.5. General characteristics of the pottery complex.....	168
4.6. Characteristics of the individual categories of finds	180
4.7. The problem of origin of the local black-glossed pottery	184
4.8. Some results and tasks	192
CHAPTER 5. Greek pottery from the excavations of Nemirovo (<i>M. Ju. Vakhtina</i>)	193
5.1. On the forming and the history of examination of pottery collection.....	193
5.2. General characteristics of materials	195
5.3. Categories of Greek pottery from the excavations of Nemirovo hill-fort	195
5.4. On the dating and topography of the Greek pottery finds	212
5.5. The place of Greek pottery collection from the excavations of Nemirovo hill-fort among the synchronic finds of Greek pottery imports from the other sites of the forest-steppe zone	212
5.6. Greek pottery finds of Nemirovo hill-fort in the context of a problem of the early interactions between the Greek world and the barbarian sites of the Northern Black Sea Coast.....	214
5.7. Conclusions	221
CHAPTER 6. Periodization and chronology of Nemirovo hill-fort in the Early Iron Age (<i>G. I. Smirnova, M. T. Kashuba, M. Ju. Vakhtina</i>)	223
6.1. Periodization and chronology according G. I. Smirnova	223
6.2. Recourses of the pottery complex to chronological elaboration	224
6.3. Chronological indicators	228
6.4. Stratigraphy observations	228
6.5. The periodization renewed	231
6.6. The meaning and the place of Nemirovo hill-fort in the Early Iron Age	231
Conclusions	234

Afterword (<i>G. I. Smirnova</i>)	237
Supplement 1. The examination of materials and technique of painting ceramics of the Trypillia culture painted pottery from the excavation of Nemirovo. Collections of the State Hermitage Museum (<i>K. B. Kalinina</i>)	238
Supplement 2. Antropomorphous plastic arts of the Trypillia culture from the excavation of Nemirovo. Collections of the State Hermitage Museum (<i>E. G. Starkova</i>)	250
Supplement 3. Zoomorphic plastic arts of the Trypillia culture from the excavation of Nemirovo. Collections of the State Hermitage Museum (<i>E. G. Starkova</i>)	254
Supplement 4. Clay products of the Trypillia culture from the excavation of Nemirovo. Collections of the State Hermitage Museum (<i>E. G. Starkova</i>)	257
Supplement 5. Flinty and stone inventory of the Trypillia culture from the excavation of Nemirovo. Collections of the State Hermitage Museum (<i>A. Zakościelna</i>)	259
Supplement 6. Greek Archaic pottery from the excavation of Nemirovo. Collections of the State Hermitage Museum. Catalogue of the finds (<i>M. Ju. Vakhtina</i>)	276
Supplement 7. Archaeometric analyses of imports of Archaic East Greek Pottery found at Nemirovo. Collections of the State Hermitage Museum (<i>M. Kerschner, H. Mommsen</i> , translation by <i>M. Ju. Vakhtina</i>)	305
Supplement 8. The results of X-ray fluorescence analysis of the surface of the bronze handle from the excavations of Nemirovo. Collections of the State Hermitage Museum (<i>S. V. Khavrin</i>)	312
Supplement 9. Burials discovered at the territory of Nemirovo hill-fort (<i>G. I. Smirnova</i>)	313
Bibliography and Sources	318
Abbreviations	331
Summary	333

ГЛАВА 5. Греческая керамика из раскопок Немировского городища

5.1. О формировании и истории изучения коллекции

Фрагменты греческих сосудов были обнаружены на Немировском городище еще во время первых раскопок памятника, предпринятых С. С. Гамченко в 1909 г. В Отчете ИАК за 1909–1910 г. упоминаются «...несколько черепков родосского типа с изображением животных, цветков и птиц» (ОИАК 1913а: 179)¹⁵. К сожалению, в отчете исследователя не указаны обстоятельства обнаружения этих интереснейших материалов. Сам он писал о том, что «греческая культура представлена случайными находками» (Гамченко 1909: НА ИИМК РАН: ф. 1, 1909, д. 85а, л. 15). Фотографии двух фрагментов античных сосудов представлены в альбоме к отчету С. С. Гамченко (1909: НА ИИМК РАН: ф. 1, 1909, 85е, л. 34, табл. 224, 1, 2) под заголовком «Греческая эпоха». Первый из них принадлежит восточно-греческой столовой амфоре с росписью в ориентализирующем стиле и в настоящее время хранится в коллекции ОАВЕС ГЭ¹⁶. Снимок этого фрагмента был сделан в 1912 г. замечательным фотографом Императорской Археологической Комиссии И. Ф. Чистяковым (Медведева и др. 2009: 180); негатив на стекле хранится в НА ИИМК РАН¹⁷. Второй фрагмент, судя по маленькому, нечеткому снимку, возможно, представлял собой небольшой обломок сосуда с росписью узкими горизонтальными полосами лака. Обнаружить этот фрагмент в составе коллекции, равно как и упоминания о нем в работах более поздних исследователей, нам не удалось.

Целый ряд фрагментов греческой керамики происходит из раскопок А. А. Спицына,

произведенных год спустя¹⁸. Большинство из них связано с исследованиями «зольника». Среди этих находок есть целый ряд замечательных в художественном отношении экземпляров, отличающихся высоким качеством росписи. В 1911 г. фрагменты античной посуды из раскопок А. А. Спицына были также сфотографированы И. Ф. Чистяковым (рис. 159); три стеклянных негатива хранятся в НА ИИМК РАН¹⁹.

В 1914 г. находки греческой керамики из раскопок А. А. Спицына на Немировском городище были опубликованы Б. В. Фармаковским в его фундаментальном исследовании «Архаический период на юге России» (Фармаковский 1914а: табл. II, 3).

Последняя часть находок греческой керамики, пополнившая немировскую коллекцию, поступила в Эрмитаж в результате работ Юго-Подольской археологической экспедиции, возглавляемой М. И. Артамоновым. В числе этих находок не только образцы художественной керамики, но и фрагменты тарных амфор. Античную керамику дали исследования 1947 г. (опись хранения 278, полевой шифр ЮП I), а также 1948 г. (опись хранения 251, полевой шифр ЮП II)²⁰. Так как раскопки в середине XX в. велись на более высоком уровне, на основании изучения полевой документации удалось установить топографию находок и «привязать» их к конкретным слоям и комплексам, в частности, выделить материалы, происходящие из заполнения скифских землянок № 1 и № 2.

Согласно сообщению С. С. Бессоновой²¹, пять фрагментов архаических греческих

¹⁵ Речь здесь, очевидно, идет о фрагментах восточно-греческой столовой амфоры, обнаруженных в первый год исследования, фотография которой имеется в рукописном отчете.

¹⁶ Инв. № Дн 1909-3/1 (24340).

¹⁷ Инв. № II 32 969. Негативы, представляющие немировские находки, как и практически все негативы, вышедшие из рук этого фотографа ИАК, отличаются высоким качеством.

¹⁸ В отчете, опубликованном в ОИАК, говорится о том, что в результате раскопок А. А. Спицына было «...добыто огромное количество керамических обломков, главным образом, от посуды скифского периода, смешавшейся с черепками гальштаттской культуры и древне-милетскими, а затем от посуды русского периода» (ОИАК 1913б:182).

¹⁹ Инв. № II 31492, III 11877 и III 11878.

²⁰ Фотографии и негативы части находок греческой керамики, сделанные к научным отчетам Юго-Подольской экспедиции, также находятся в НА ИИМК РАН: инв. № О. 1562.29-32, II 46640 (1946 г.); О.1679. 3, 5-7, II 49426-29 (1948 г.).

²¹ В личном архиве Г. И. Смирновой в ОАВЕС ГЭ сохранилось письмо С. С. Бессоновой, откуда и взяты эти данные.

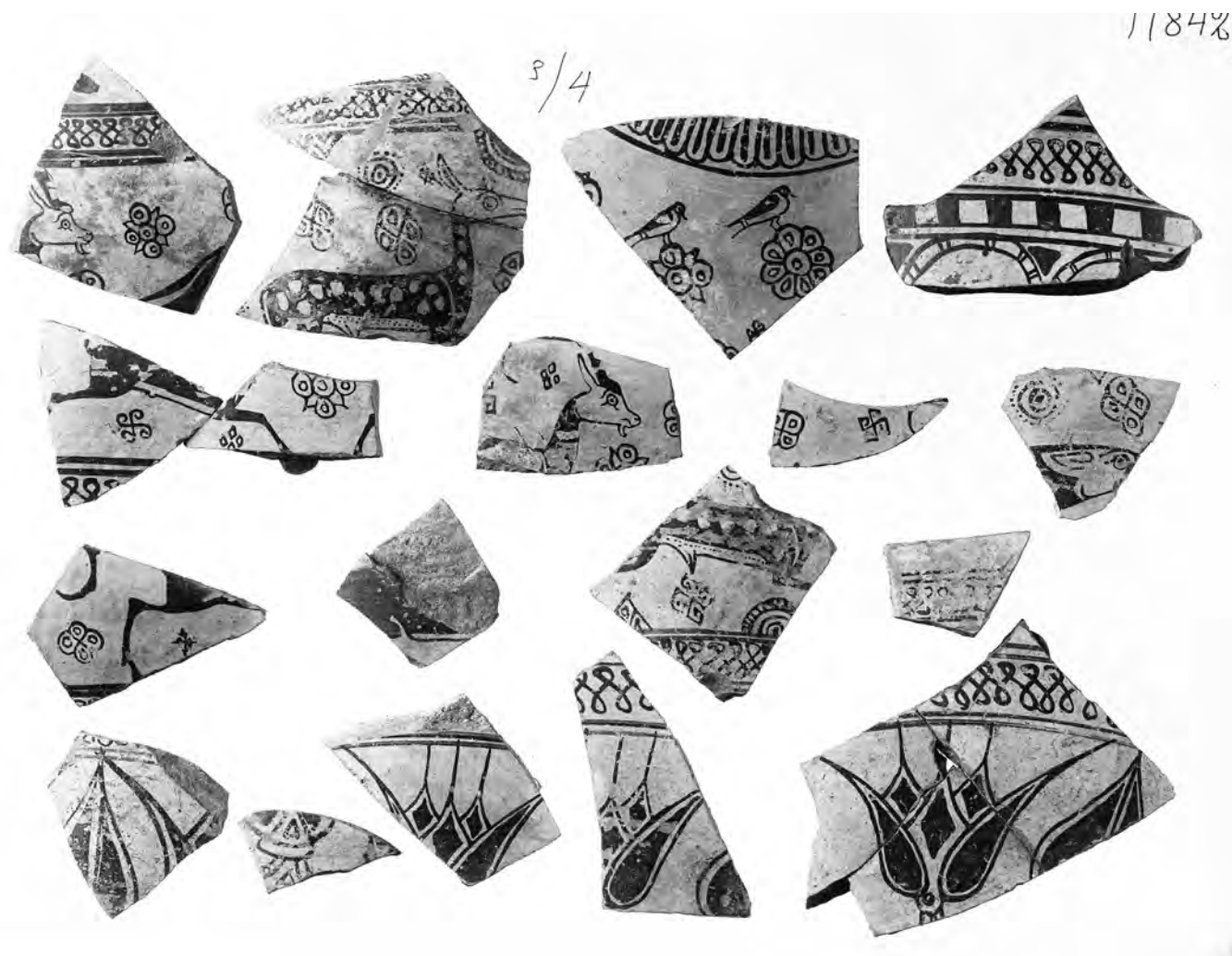

Рис. 159. Немировское городище. Фрагменты закрытых расписных греческих сосудов из раскопок А. А. Спицына (НА ИИМК РАН, Фотоархив, инв. № III 11878)

сосудов из раскопок Юго-Подольской экспедиции хранятся в фондах ИА НАН Украины в Киеве. Они перечислены в описи к отчету экспедиции за 1946 г. под номерами 160 («2 фрагмента греческой архаической керамики») и 266–268 («3 фрагмента стенок греческой архаической керамики»).

В 1966 г. Н. А. Онайко в сводном корпусе античного импорта из Побужья и Приднепровья опубликовала фрагменты греческой архаической посуды из Немировского городища, включив в свою работу весь доступный массив материала (Онайко 1966: табл. III, 1–8, 10, 11; V, 1)²².

²² По воспоминаниям Г. И. Смирновой, А. П. Манцевич упоминала о том, что Н. А. Онайко удалось изучить лишь небольшую часть коллекции, хранящейся в Эрмитаже. В действительности, судя по публикации 1966 г., исследовательнице пришлось, в основном, опираться на материалы фотоархива ЛОИА АН СССР (ныне — ИИМК РАН). Этим и объясняются некоторые неточности в описании немировских материалов, которые, конечно, ничуть не умаляют объем работы, проделанной Н. А. Онайко, и огромное значение ее свода находок.

В начале 70-х гг. прошлого века Л. В. Копейкина ознакомилась с фрагментами расписной восточно-греческой керамики из немировской коллекции. Исследовательница обратилась к этим материалам, работая над подготовкой публикации, посвященной художественным особенностям и датировке расписной архаической ойнохой из основного погребения кургана Темир-Гора в Восточном Крыму (Копейкина 1972). В своей статье она привела один из фрагментов²³ в качестве аналогии сюжету и стилю росписи ойнохой из Темир-Горы и высказала предположение о том, что эти сосуды были изготовлены в одной мастерской (Там же: 157–158, рис. 56).

В конце XX в. заведующая ОАВЕС ГЭ Г. И. Смирнова в рамках проекта РГНФ вновь обратилась к коллекции материалов скифского времени из раскопок Немировского городища. По ее инициативе автор этой главы изучила и опубликовала наиболее интересные и выразительные экземпляры

²³ Дн 1933-1/206.

античной посуды (Вахтина 1996; 1998; 2000; 2004; Vachtina 2007; Vakhtina 2007). Привлекались эти находки и в работах зарубежных исследователей (Kerschner, Schlotzhauer 2005: 17, 21, fig. 15; Kerschner 2006a: 236–237, Abb. 12; 13). Однако полная публикация всех материалов предложена лишь в настоящем издании.

5.2. Общая характеристика материалов

В результате археологических исследований Немировского городища была собрана коллекция фрагментов античной керамики, которая в настоящее время хранится в ОАВЕС ГЭ. Основная их масса была найдена во время раскопок «зольника» в центральной части памятника. Эти материалы интересны во многих отношениях: как образцы художественной античной керамики, как материалы, изучение которых помогает уточнять хронологию слоев и комплексов, где они были обнаружены, а также приближаться к пониманию различных аспектов греко-варварских взаимодействий на территории Северного Причерноморья на протяжении начального периода греческой колонизации региона. Коллекция античной керамики из раскопок Немировского городища достаточно представительна по сравнению с находками греческой архаической посуды на других скифских городищах лесостепи. По своему составу она достаточно ярка и интересна.

Всего в коллекции насчитывается более 100 фрагментов античной керамики, принадлежавших тарным амфорам и столовым сосудам (Фармаковский 1914a: табл. II, 3; Онайко 1966: табл. III, 1–8; Вахтина 1996; 1998a; Kerschner 2006a: 236–237, Abb. 12; 13; Vachtina 2007: fig. 4–10). Все они были изготовлены в различных центрах Восточной Греции. Амфоры представлены фрагментами продукции северо-ионийских центров: Эолии, Хиоса и Клазомен (Вахтина 1998a: 123, 130, рис. 1; 4, 8). К самым ранним принадлежат фрагмент дна сероглиняной эолийской амфоры, имеющей диаметр поддона 11 см (Вахтина 1998a: 30, рис. 4, 8; аналогии см. Lamb 1933: 171, 177, tab. XXXVII), и фрагмент окрашенного красной краской венчика клазоменской амфоры (анalogии см. Sezgin 2004: 174–176).

Однако основная часть коллекции состоит из образцов расписной столовой керамики, большинство которых датируется в рамках третьей четверти VII в. до н.э. Только три фрагмента принадлежали сосудам открытых форм, остальные относятся к закрытым сосудам — столовым амфорам и ойнохоям, расписанным в ориентализирующем стиле. Все сосуды были изготовлены в Восточной Греции; основной массив расписной посуды происходит из Южной Ионии. Значительная часть фрагментов принадлежала сосудам, отличавшимся высокими художественными достоинствами. Их роспись демонстрирует высокое качество рисунка, дает возможность предположить совершенство композиций, украшавших тулово сосудов. По-видимому, большинство расписных сосудов, попавших в древности на городище, относились к шедеврам античной вазовой живописи архаического времени. Некоторые образцы расписной керамики принадлежат к сосудам, чрезвычайно редко встречающимся на территории Северного Причерноморья, а отдельные экземпляры известны только для Немировского городища и, следовательно, уникальны для всей территории в целом.

Внимательное изучение этого материала позволило высказать ряд соображений о формах, времени и месте изготовления сосудов, внося отдельные поправки к высказанным ранее предположениям (Вахтина 1996; 1998a; 2000). Эти поправки касаются, преимущественно, датировок ряда фрагментов, вызванных удревнением «стиля дикого козла» (WG Style) в хронологической системе, сравнительно недавно разработанной М. Кершнером и У. Шлотцауэром (Kerschner, Schlotzhauer 2005) по сравнению с предложенными датами в классификации Р. М. Кука (Cook 1997; Cook, Dupont 1998). Также в отдельных случаях были уточнены центры производства и формы отдельных экземпляров.

5.3. Категории греческой керамики из раскопок Немировского городища

Транспортные амфоры

К сожалению, на основании фрагментов остродонных амфор, хранящихся в коллекции, невозможно реконструировать ни одной целой формы. Однако удается определить,

что обломки принадлежали не менее чем 11 сосудам, и в целом ряде случаев установить центры их производства.

Амфоры Лесбоса (эолийские) и круга Лесбоса

К этой группе относятся фрагменты венчиков двух однотипных амфор²⁴, имевших цилиндрическое, слегка расширявшееся в нижней части горло (**табл. 6.1, 1, 2; кат. 6.1.1, 1.2**) (Вахтина 1998: 123, рис. 1, 1, б). Глина фрагментов серовато-коричневого цвета, мелкозернистая, с многочисленными мелкими блестками слюды. От горла первой амфоры (**кат. 6.1.1**) сохранилось два фрагмента: один из них склеен из четырех частей (**табл. 6.1, 1**), второй представляет часть венчика (**табл. 6.1, 3**), под которым сохранился прилеп круглой (?) в сечении ручки²⁵. На расстоянии 2,4 см от нижнего края валика венчика на горле находился небольшой выступ. Фрагмент венчика другого сосуда (**табл. 6.1, 2; кат. 6.1.2**) имеет на расстоянии 2,4 см от нижнего края валика небольшой желобок с едва намеченным над ним выступом (возможно, брак производства). Подобные сосуды можно отнести к продукции эолийских центров (Абрамов 1993: 79–80). Донья их, скорее всего, имели усеченно-коническую форму. К амфорам этого же типа, который определяют как амфоры «круга Лесбоса», по-видимому, принадлежит и фрагмент²⁶ нижней части горла и верхней части плечиков (**табл. 6.2, 1; кат. 6.1.3**), а также средней части круглой в сечении ручки, изготовленной из похожей серовато-коричневой глины²⁷ (**табл. 6.2, 2; кат. 6.1.4**).

Фрагменты аналогичных амфор, изготовленных из похожей серовато-коричневой глины (и по цвету, как и немировские фрагменты, отличавшиеся от «классических» сероглиняных эолийских/лесбосских) были обнаружены при раскопках Бельского городища на Левобережье Днепра. С. А. Задников отнес их к «кругу Лесбоса» (Задников 2014а: 5). Из раскопок Бельского городища происходят и лесбосские амфоры, имевшие венцы, чрезвычайно близкие венчикам немировских экземпляров, и с аналогичными «выступами» на горле (Задников 2009: 17, рис. 3, 2, 3). Археологический контекст этих находок

позволил С. А. Задникову датировать фрагменты из Бельского городища третьей четвертью VII в. до н.э. (Там же: 16–18).

Близким по форме немировским образцам является горло амфоры, найденное в Истрии (Dupont 1983: 30–31, fig. 16). Отсюда же, из слоя конца VII — первой половины VI в. до н.э., происходят и другие фрагменты амфор этого типа (Dimitriu 1966: pl. 56, nr. 548, 550).

В Северном Причерноморье такие сосуды известны на Ягорлыцком поселении. В. В. Рубан в своей классификации амфор с коническими ножками выделил их в тип 1, который датировал в пределах второй половины VII — первой половины VI в. до н.э. (Рубан 1990: 14, 17, рис. 1, 1, 7; 4). Вероятно, в этом временном отрезке можно поместить и немировские фрагменты.

В коллекции Немировского городища хранятся также фрагменты «классических» сероглиняных эолийских/лесбосских амфор. Амфоры этого типа, обожженные в окислительной атмосфере, в литературе обычно называют лесбосскими сероглиняными («Лесбос-с») (Зеест 1960: 72–74; Брашинский 1984: 99–101; Абрамов 1993: 31; Монахов 2003: 44). Находки сероглиняных лесбосских амфор с подобными ручками датируют в пределах VI в. до н.э., самые ранние экземпляры целых сосудов из Северного Причерноморья относятся к первой половине столетия (Рубан 1980: 108; Монахов 2003: 45). К амфорам этого типа принадлежат фрагмент венчика с ручкой (**табл. 6.1, 4; кат. 6.1.5**)²⁸, два фрагмента²⁹ верхних частей ручек (**табл. 6.2, 3, 6; кат. 1.6, 1.7**) (Вахтина 1998а: 123–124, рис. 1, 3), фрагмент нижней части ручки³⁰ (**табл. 6.2, 5; кат. 6.1.8**). В коллекции также хранится целая массивная ручка³¹ с рельефным продольным налетом («крысиным хвостом») в нижней части (**табл. 6.2, 4; кат. 6.1.9**) (Вахтина 1998а: 124, рис. 1, 5). Согласно классификации И. Бырзеску, такие ручки были характерны для типа III A. 1.3.4 лесбосских амфор (Bîrzescu 2012: 33). Очень похожие сероглиняные амфорные ручки были найдены при раскопках Бельского (Задников 2009: 19 сл.) и Хотовского (Дараган 2005) городищ.

²⁴ 278/317 и Дн 1933-1/790.

²⁵ 278/317.

²⁶ 278/318.

²⁷ 278/318.

²⁸ 251/318.

²⁹ 2819/41; 278/145.

³⁰ Дн 1933-1/1057.

³¹ 251/3.

К амфорам этой группы относится и фрагмент³² усеченно конической ножки из темно-серой глины (**табл. 6.1, 6; кат. 6.1.10**) (Вахтина 1998а: 124, 130, рис. 4, 8). Он уникален для Северного Причерноморья. От других подобных находок, происходящих из региона, немировский фрагмент отличается размером поддона, диаметр нижней части которого — 11 см. Сохранившийся диаметр придонной части амфоры (реконструируемый по верхней части обломка) достигал 18 см. По-видимому, поддон принадлежал амфоре с яйцевидным или шаровидным туловом, напоминавшей большой кувшин — благодаря ширине ножки она могла стоять вертикально. Близкий диаметр (11,2 см) имела ножка амфоры, обнаруженной при раскопках в Антиссе на Лесбосе (Lamb 1933: 171, 177, tab. 27). Находка ее в одном слое с керамикой типа буккери позволила отнести амфору к VII — первой половине VI в. до н.э. (Clinkenbeard 1982: 258–259, tab. 69 a, b). При исследовании зольника № 28 на Западном укреплении Бельского городища была обнаружена ножка лесбосской амфоры в виде широкого поддона, имевшего диаметр 8 см, датированная автором раскопок в пределах последней четверти VII — начала VI в. до н.э. (Задников 2003: 92–93, рис. 4). Ножки сероглиняных амфор, близких ножке из Немирова, но имевших более узкие поддоны, И. Бырзеску помещал в хронологические рамки с конца VII по первую треть VI в. до н.э. (Bîrzescu 2012: Kat. 2, 4, 5, Taf. 2). По-видимому, немировский фрагмент можно отнести ко времени не позднее начала VI в. до н.э.

На основе археологических данных начало лесбосского амфорного производства в настоящее время относят к третьей четверти VII в. до н.э. (Монахов 2003: 45). Исходя из современных представлений о хронологии эолийской амфорной тары, а также из контекста датировок основного массива греческой расписной посуды, обнаруженной при раскопках Немирова, можно высказать осторожное предположение, что фрагменты эолийских амфор из скифского горизонта Немирова помещаются в рамки последней четверти VII — первой половины VI в. до н.э. Согласно выводам С. А. Задникова, фиксирующего находки эолийских амфор в закрытых комплексах Бельского

городища, начало ввоза амфор лесбосского производства, а также круга Лесбоса началось в третьей четверти VII в. до н.э. (Задников 2014а: 5). Примечательно, что амфоры этого круга — самые ранние среди обломков греческих транспортных амфор, найденных на Бельском городище (Задников 2009: 19–20).

В коллекции также хранятся фрагменты, принадлежавшие стенкам сероглиняных амфор (**кат. 6.1.11**).

Амфоры Клазомен

К продукции этого центра можно отнести фрагмент венчика амфоры³³, изготовленной из глины светло-коричневого цвета (**табл. 6.3, 1; кат. 6.1.12**) (Вахтина 1998а: 123, рис. 1, 2). Горло амфоры имело цилиндрическую форму. Верхняя часть круглого в сечении, слегка отогнутого наружу валика окрашена красновато-коричневым лаком. Глина содержит примеси слюды, на месте сколов виден серый закат в средней части черепка. Согласно типологии Ю. Сезгина, разработанной на основе изучения находок из раскопок Клазомен, амфора, по-видимому, была по форме близка выделенной им группе V (575–550 гг. до н.э.) или же группе VI (550–525 гг. до н.э.) (Sezgin 2004: 174–176, fig. 11; 12; 2012: 206, fig. 1). По типологии И. Бырзеску, разработанной на основе находок клазоменской продукции в Истрии, немировский фрагмент можно отнести к типам 4 или 5, датированным широко в пределах второй половины VI в. до н.э. (Bîrzescu 2012: Taf. 40–45).

Амфоры этого типа широко представлены в архаических слоях и комплексах Северо-Западного (Dupont 1983: 31; Bîrzescu 2012: Taf. 40–46) и Северного Причерноморья (Монахов 1999: 52–54, табл. 6, 8). С. Ю. Монахов полагает, что самую раннюю амфору этого центра, обнаруженную в регионе, происходящую из погребения 8 кургана 11 могильника Лебеди в степном Прикубанье, вероятно, можно отнести еще к концу VII — началу VI в. до н.э. (Монахов 2003: 51–52). Возможно, к этому (или несколько более позднему времени) принадлежали и фрагменты, обнаруженные на Ягорлыцком поселении (Рубан 1983: 287 сл., рис. 2). Большое количество фрагментов клазоменских амфор было обнаружено в яме 11 зольника 13 Западного Бельского городища, при-

³² 251/17.

³³ 251/29.

чем один из типов, выделенный автором раскопок, близок обломку с Немировского городища (Задников 2014б: 258–259, рис. 5, 4; 6, 5). К сожалению, незначительные размеры немировского венчика не оставляют возможностей для «узкой» датировки. Вероятно, сосуд, к которому принадлежал немировский фрагмент, можно отнести к отрезку времени со второй четверти по конец (?) VI в. до н.э.

По-видимому, от клазоменской амфоры происходит также небольшой обломок стенки (табл. 6.3, 2; кат. 6.1.13), на которой сохранилась широкая полоса бурого лака³⁴. Глина фрагмента коричневая, с незначительными примесями слюды, роспись нанесена по коричневому ангобу. Возможно, к амфоре Клазомен или круга Клазомен принадлежал и небольшой фрагмент амфорной ножки (табл. 6.1, 7)³⁵, хранящийся в эрмитажной коллекции.

Амфоры Хиоса

Продукция Хиоса широко представлена в архаических слоях и комплексах античных, а также варварских памятников Северного Причерноморья. В коллекции античной керамики из Немировского городища хранятся два небольших обломка хиосских амфор (Вахтина 1998: 123, 125, рис. 1, 4). Глина фрагментов желтоватая, с блестками слюды. Первый из них (табл. 6.3, 3; кат. 6.1.14) — обломок верхней части ручки с продольной полосой бурого лака³⁶, второй — часть стенки с узким пояском лака³⁷ (табл. 6.3, 4; кат. 6.1.15). Хронология подобных сосудов достаточно хорошо разработана — узкие полосы лака, нанесенные по глине, украшали хиосскую тару во второй половине VI — начале V в. до н.э. (Рубан 1982: 103; Брашинский 1984: 94 сл., табл. 31; Монахов 2003: 16 сл.). Согласно выводам И. Бырзеску, амфоры из Истрии, украшенные узкими поясками лака, датируются временем с последней четверти VI в. до н.э. (Bîrzescu 2012: 90, Abb. 20).

Подобный фрагмент ручки хиосской амфоры, украшенной узкой полосой лака, был обнаружен при исследованиях Западного укрепления Бельского городища, которая была отнесена автором раскопок к типу III,

по классификации В. В. Рубана (Рубан 1982: 103) и датирована 510–480 гг. до н.э. (Задников 2005: 270, 274, рис. 3, 8).

К хиосским амфорам можно отнести и ряд мелких обломков стенок, хранящихся в немировской коллекции.

Амфоры неустановленных центров

Среди обломков амфор, обнаруженных на Немировском городище, можно отметить небольшой фрагмент (из двух обломков) кольцевого поддона (табл. 6.1, 7; кат. 6.1.16) амфорной ножки³⁸. Глина фрагмента оранжевая, с блестками слюды. Примечателен довольно большой диаметр ножки амфоры, который удается реконструировать по этому незначительному фрагменту — он приблизительно равнялся 9–10 см. Возможно, ножка принадлежала амфоре на сложном кольцевом поддоне, производство которых связывают с различными центрами Северной Эгеиды (Монахов 2003: 38). Ранние типы амфор этой серии датируются в пределах второй половины VI в. до н.э. (Абрамов 1993: 81; Монахов 2003: 39 сл.).

Также невозможно точно определить центры производства светлоглиняных амфор, от которых сохранились лишь фрагменты стенок. Можно лишь предположить, что они принадлежали продукции североионийских центров. Таких обломков в коллекции насчитывается более 40 экземпляров³⁹. В качестве примера приведем два крупных фрагмента стенок амфор из немировской коллекции. Первый (табл. 6.3, 5; кат. 6.1.17)⁴⁰ принадлежал амфоре, изготовленной из желтовато-серой глины, тесто содержит мелкие примеси слюды. Вторым фрагмент (табл. 6.3, 6; кат. 6.1.18)⁴¹ принадлежал плечикам крупной амфоры, изготовленной из плотной, хорошо отмученной глины оранжево-коричневого цвета, без видимых примесей. В изломе черепка виден серый «закал». От этой же амфоры в коллекции хранятся еще три фрагмента.

Конечно, на основании этих фрагментов говорить о динамике ввоза на Немировское городище вина в амфорах можно лишь очень обобщенно. По-видимому, вино на-

³⁴ 251/56.

³⁵ 278/390.

³⁶ 278/317.

³⁷ Дн 1933-1/222.

³⁸ 278/318.

³⁹ Они значатся под номерами Дн 1933-1/543, 278/317, 278/319.

⁴⁰ 278/317.

⁴¹ Дн 1933-1/593.

чало поступать к его обитателям с последней четверти — конца VII в. до н.э. Эта отрасль товарообмена, судя по дошедшему до нас археологическому материалу, представлена исключительно продукцией Северной Ионии. Правда, приходится признать, что, возможно, раскопки памятника в будущем позволят выявить более широкий спектр амфорной тары, в том числе и продукцию Южной Ионии, известную для других памятников лесостепи. Так, например, на Бельском городище известны находки фрагментов милетских архаических амфор, самые ранние из них которых относятся к концу VII — первой половине VI в. до н.э. (Задников 2006: 107). Вероятно, к одному из древнейших экземпляров, найденных в варварских комплексах Северного Причерноморья, принадлежит милетская амфора из погребения 2 кургана Репяховатая могила в лесостепном Правобережном Поднепровье (Ильинская и др. 1980: 55, рис. 27, 1), которую, по М. Н. Дараган, можно датировать временем не позднее последней четверти VII в. до н.э. (Дараган 2010: 190). Пока же мы можем лишь фиксировать на Немировском городище находки исключительно североионийских тарных амфор, хотя среди расписной столовой посуды преобладает продукция Южной Ионии.

Столовая посуда

Значительная часть коллекции греческой керамики из раскопок Немировского городища представлена образцами расписной столовой посуды. Лишь несколько обломков принадлежали чашам. Большинство фрагментов относится к закрытым формам столовых сосудов — ойнохоям и амфорам.

Открытые формы

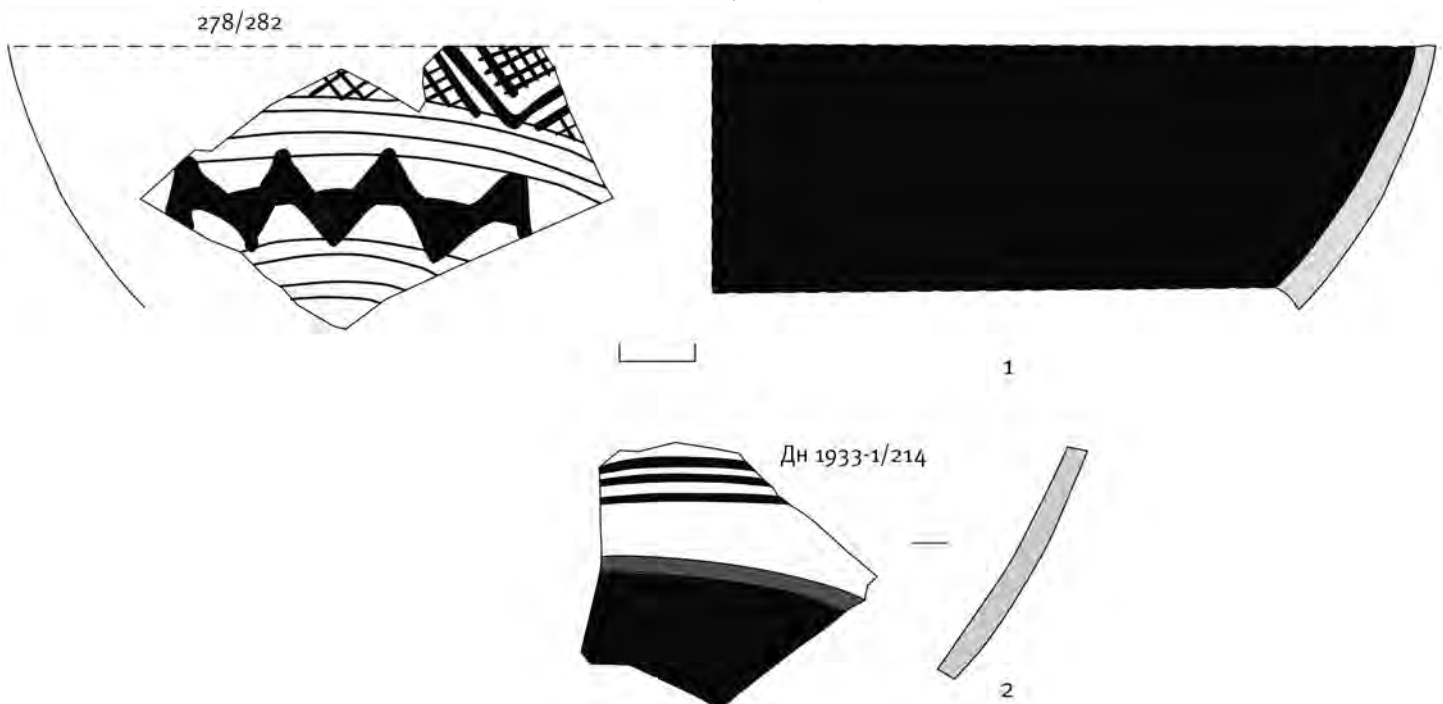
Несколько обломков расписных сосудов, хранящихся в эрмитажной коллекции, принадлежали трем чашам.

Одна из них — чаша субгеометрического стиля, от которой сохранилось два фрагмента (табл. 6.4, 1, 2; кат. 6.2.1–2) (Вахтина 1998а: 125–126, рис. 2, 1, 3). Глина фрагментов коричневатая, роспись нанесена блестящим черным и коричневым лаком по светло-коричневому покрытию. На первом из них⁴², стенке (табл. 6.4, 1), принадлежавшей к средней части килика (Онайко 1966: табл. III, 11; Вахтина 1998: 126, рис. 2, 1; Vakhtina 2007: Taf. 63.1, 1), можно видеть часть фриза с росписью в виде заштрихованных ромбов и темных треугольников (рис. 160, 1). Вероятно, к придонной части этой чаши принадлежит еще один фрагмент⁴³ из дореволюционных раскопок (рис. 160, 2; табл. 6.4, 2), на котором сохранился поясok из трех узких коричневых линий над широкой полосой

Рис. 160. Немировское городище.
1 — фрагмент стенки субгеометрического скифоса 278/282;
2 — фрагмент придонной части субгеометрического скифоса Дн 1933-1/214

⁴² 278/282.

⁴³ Дн 1933-1/214.

темного лака (Вахтина 1998а: 126, рис. 2, 3; Vakhtina 2007: Taf. 63.1, 2).

Фризы из заштрихованных ромбов и треугольников, как горизонтальные, так и вертикальные, широко распространены в восточно-греческой керамике позднего и субгеометрического времени. Композиции же из цепочек сплошных треугольников, расположенных в шахматном порядке основаниями друг к другу, встречаются гораздо реже. Подобный орнамент из темных треугольников можно видеть, например, на подставке для кратера из самосского Гераяона, датированной по сопутствующему материалу 730–670 гг. до н.э. (Walter 1968: Taf. 24, Nr. 135). Пояском подобного орнамента украшен фрагмент чаши из Аль-Мины, найденной в слое с обломками позднегеометрических и раннеориентализирующих сосудов (Robertson 1941: pl. 1-0). Такой же пояс из треугольников изображен на придонной части *bird-bowl* из раскопок Франкавилла-Мариттима в Италии, который авторы датируют 640–625 гг. до н.э. (Handberg, Jacobsen 2005: 20, fig. 15a).

Немировские фрагменты, очевидно, принадлежали чаше-скифосу с изображением птиц (*bird-bowl*), которая может датироваться в пределах третьей четверти VII в. до н.э. Чаши этой группы производились в субгеометрическое и раннеориентализирующее время в мастерских Северной Ионии (Cook, Dupont 1998: 26–27; Kadioğlu et al. 2015: 351–352). В Северном Причерноморье известны единичные находки чаш субгеометрического стиля. Фрагменты субгеометрического скифоса, происходящие из раскопок поселения на о. Березань, были недавно опубликованы А. В. Буйских и датированы ею второй — началом третьей четверти VII в. до н.э. (Буйских 2015а: 241, 251, рис. 1; Buiskikh 2016: 5, fig. 1). Еще один скифос (*bird-bowl*) происходит из раскопок Трахтемировского городища в лесостепном Правобережном Приднпровье (Дараган 2011: рис. IV.59). М. Кершнер отнес его ко второй четверти VII в. до н.э. (Kerschner 2006a: 237–238, Abb. 14), а А. В. Буйских — к несколько более позднему времени: второй — началу третьей четверти этого столетия (Буйских 2015а: 246, рис. 2; Buiskikh 2016: 10, fig. 2).

В коллекции античной керамики из раскопок Немировского городища хранится

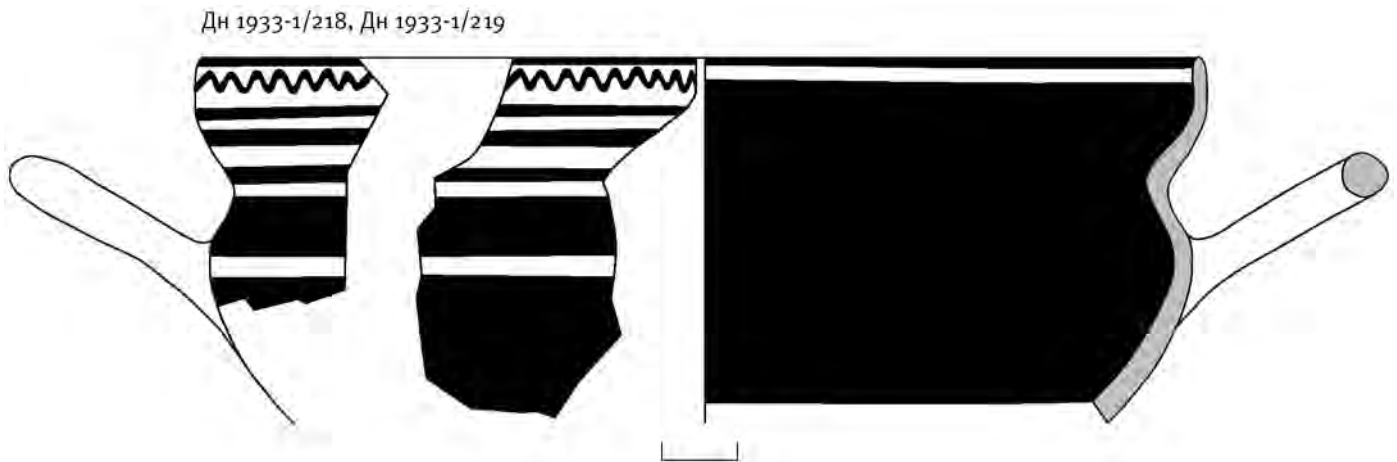
фрагмент стенки (табл. 6.4, 4; кат. 6.2.3) еще одного скифоса (*bird-bowl*)⁴⁴, который также относится к продукции североионийских мастерских. Глина фрагмента плотная, коричневая. Роспись нанесена черным лаком по оранжевому ангобу. На внутренней части — неровное темное покрытие. Очевидно, фрагмент принадлежал нижней, придонной части чаши. На внешней его стороне сохранилась часть покрытия черного лака в нижней части черепка и отходящая от него вертикально темная «резервная» полоса, располагавшаяся близ места крепления ручки сосуда. По-видимому, чашу можно отнести к типам I–IV, по типологии М. Кершнера (Kerschner 1997: Kat. 74–76, 107) и датировать в пределах 650–610 гг. до н.э.

Несомненный интерес представляют фрагменты еще одной чаши (килика), изготовленной в южной Ионии (табл. 6.4, 3; кат. 6.2.4). От нее сохранились два обломка венчика и стенок, а также обломок круглой в сечении ручки⁴⁵, что позволяет реконструировать форму сосуда (рис. 161) (Вахтина 2004: 207, рис. 1; Kerschner 2006a: 236, Abb. 12; Vakhtina 2007: 28, fig. 5; Vakhtina 2007: Taf. 63.2).

Чаша имела чуть выступающий, почти прямой край и довольно глубокое вместилище, круглые в сечении, петлеобразные по форме ручки, покрытые коричневым лаком (сохранились их обломки), прикреплявшиеся в верхней части тулова. Сосуд был достаточно изящным: толщина обломков края не превышала 0,2 см, стенок — 0,3 см. Глина фрагментов плотная, практически без видимых примесей, коричневатого-розового цвета. Роспись нанесена темно-коричневым и красновато-коричневым лаком по светло-коричневому, сероватого оттенка ангобу. Сосуд был украшен широкими и узкими полосами лака, места крепления ручек были покрыты сплошным коричневым лаком. Сочетание поясков лака различных оттенков, нанесенных на край и тулово чаши, образует незамысловатый, но достаточно красочный и яркий орнамент. Край чаши украшен тонкой зигзагообразной линией, нанесенной разбавленным лаком красновато-коричневого, местами красного цвета. На внутренней поверхности — блестящее коричневое покрытие; под

⁴⁴ 251/43. Ранее был определен нами как крышка чернофигурной леканы (Вахтина 2000: табл. III, 4; Vakhtina 2007: Taf. 65, 3.2).

⁴⁵ Дн 1933-1/218, Дн 1933-1/219.

внутренним краем — узкая полоска белой накладной краски.

Точных аналогий этому сосуду обнаружить не удастся, но известна серия чаш, достаточно близких по форме (Kerschner 1997: 149, Taf. XI, 79, 80; Schlotzauer 2000: 410–411, fig. 297–298). Согласно типологии, разработанной У. Шлотцауэром для чаш, обнаруженных при раскопках Милета, немировский фрагмент по форме и орнаментации близок к типу 5.1, причем декор немировской чаши наиболее близок экземпляру cat. no. 89, а форма его имеет наибольшее сходство с чашей cat. no. 95, приведенных в фундаментальном исследовании этого автора (Schlotzauer 2012: 94–97).

Однако по ряду признаков (прежде всего, толщине стенок, указывающей на изящество сосуда) немировский килик также близок типу 8 по У. Шлотцауэру (Schlotzauer 2012: 103). Современная хронология милетских чаш позволяет предположить, что немировский экземпляр был изготовлен во временном интервале 650–630 гг. до н.э.⁴⁶ Близость фрагментов из Немирова по форме, орнаментации и цвету глины чашам из Милета позволяет с уверенностью отнести их к продукции этого или близлежащих южноионийских центров (по НАА: Самос). Немировский килик до настоящего времени является уникальным по характеру росписи и форме. Среди достаточно редких находок южноионийских архаических чаш на территории Северного Причерноморья можно отметить чаши из раскопок на Березани, среди которых также представлены экземпляры, относящиеся

к различным вариантам типа 5 (Буйских 2016: 30, рис. 1).

В коллекции греческой керамики из раскопок Немировского городища хранится небольшой фрагмент⁴⁷ (табл. 6.4, 5; кат. 6.2.5), скорее всего, принадлежавший в древности подставке кратера (Вахтина 2000: 214, табл. II, 4). Глина фрагмента оранжевая, роспись в виде двух полос, широкой и узкой, нанесенных черным блестящим лаком по плотному белому ангобу. Максимальный диаметр сохранившейся верхней части — 13 см, нижней — 14 см. Подобные подставки, украшенные росписью в виде горизонтальных поясков лака, встречаются на протяжении всего ориентализирующего периода. Они использовались для придания устойчивости большим круглодонным открытым сосудам. Целый ряд подобных подставок и их фрагментов, украшенных горизонтальными полосами, происходят из раскопок на о. Самос. Наиболее ранние из фрагментов, которые можно надежно датировать по археологическому контексту, относятся к 730–670 гг. до н.э., а наиболее поздние — к 710–640/630 гг. до н.э. (Walters 1968: Taf. 75, Nr. 414, 415; 74, Nr. 409; 77, Nr. 423). Подобные подставки с росписью в виде полос лака по ангобу были найдены на Хиосе в слоях 690–600 гг. до н.э. (Boardman 1967: 105, 113–114; fig. 62; 68; 118). К сожалению, небольшие размеры этого фрагмента затрудняют его «узкую» датировку. Сосуд, которому принадлежала подставка, вероятнее всего, был изготовлен в пределах второй половины VII в. до н.э. Насколько нам известно, это пока единственная подобная находка в Северном Причерноморье.

Таким образом, открытые формы, об-

Рис. 161. Немировское городище. Фрагментированная южноионийская чаша Дн 1933-1/218 и Дн 1933-1/219 (реконструкция)

⁴⁶ По мнению У. Шлотцауэра, которому мы выражаем глубокую признательность за консультацию, верхний рубеж бытования немировской чаши определяется временем не позднее 630 г. до н.э.

⁴⁷ 278/288.

ломки которых хранятся в коллекции греческой керамики Немирова, были изготовлены в различных центрах Северной и Южной Ионии. Примечательно присутствие в материалах памятника фрагментированной милетской чаши.

Закрытые формы

Большинство фрагментов закрытых форм немировской коллекции принадлежали ойнохоям и амфорам, расписанным в ориентализирующем стиле. Стиль этот сложился в керамическом производстве Ионии и Родоса в 675–670 гг. (Schiering 1957: 9–10; Boardman 1973: 40; Kerschner, Schlotzauer 2005: 8).

На значительной части фрагментов расписных закрытых сосудов из раскопок Немировского городища сохранились части фриз с изображениями животных и растительными орнаментами. Все эти экземпляры относятся к продукции южноионийских мастерских. Некоторые из них демонстрируют стилистическую близость с материалами из Милета (Käufler 1999: 204, Kat. Nr. IA; IB).

В коллекции хранится большое количество мелких обломков с незначительными фрагментами росписи, однако есть и более выразительные экземпляры. Среди них немало фрагментов, роспись которых отличается высокими художественными достоинствами. Цвет глины варьирует от розовато- и желтовато-коричневого до темно-коричневого. Тесто содержит незначительную примесь мелких блесток слюды. Роспись выполнена черным, темно-коричневым и светло-коричневым лаком по светлому (желтоватому или кремовому) ангобу. Туловища животных

во фризах переданы силуэтом, головы обозначены контурными линиями, детали подчеркнуты линиями, оставленными в цвете обмазки («техника пропущенных линий»). Гравировка и накладные краски в росписи не применялись. Эти особенности характерны для раннего и развитого ориентализирующего стиля (Cook 1959: 25–27; 1997: 112–114; Копейкина 1975: 106). На многих обломках можно видеть разделительные пояса плетенки, характерные для сосудов VII в. до н.э. (Walter 1968: 70).

Ойнохои. Среди закрытых форм уникальным для Северного Причерноморья является фрагмент стенки⁴⁸ (табл. 6.5, 1; кат. 6.2.6) небольшого закрытого сосуда (ойнохои?) с шаровидным туловом (рис. 162), на котором сохранилось изображение крупной орнаментальной эмблемы (Онайко 1966: табл. III, 10; Вахтина 2000: 213, табл. I, 6; Vachtina 2007: 29, fig. 6). Глина фрагмента розовая, с небольшим количеством мелких блесток слюды, роспись нанесена черным блестящим лаком по кремовому ангобу. Н. А. Онайко датировала этот фрагмент второй половиной — концом VII в. до н.э. Мы полагаем, что он принадлежит к более раннему времени. Крупные орнаментальные эмблемы и мотивы в целом характерны для росписи восточно-греческих сосудов раннеориентализирующего стиля периода SiA Ia (670–650 гг. до н.э.) (Kerschner, Schlotzauer 2005: 12, 15, fig. 3; 4; 9); встречаются они и в начале периода SiA Ib (ibid.: 19, fig. 10). Это позволяет отнести фрагмент из Немирова ко времени не позднее середины — самого начала третьей четверти VII в. до н.э.

⁴⁸ 251/28.

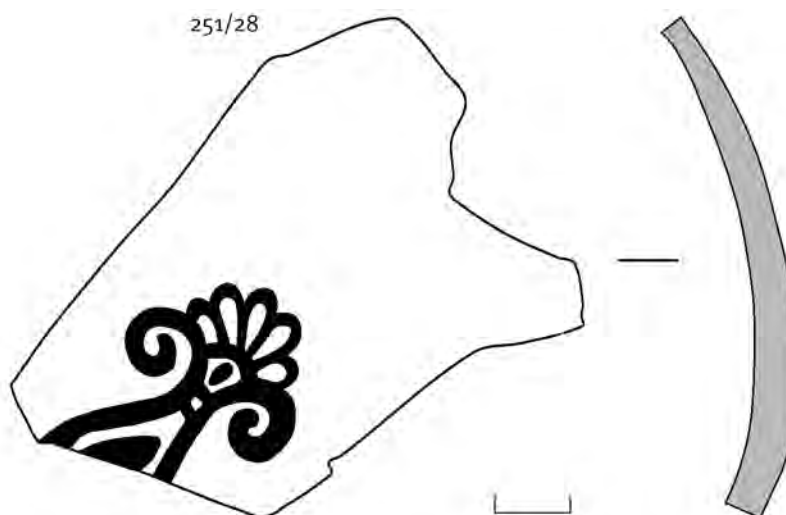

Рис. 162. Немировское городище. Фрагмент стенки закрытого сосуда (ойнохои?) с орнаментальной эмблемой 251/28

Он принадлежал сосуду, изготовленному, скорее всего, в Северной Ионии (по НАА: Северная Трояда).

Можно предположить, что среди эрмитажных фрагментов могли быть обломки как «плоских» (round-mouthed) ойнохой, так и ойнохой с трехлепестковым венчиком (trefoil). Тип плоской ойнохой, распространенный в раннеориентализирующей керамике, представлял собой кувшин с шарообразным туловом и вертикальной ручкой, верхний конец которой был прикреплен к верхней части цилиндрического, расширявшегося в верхней части горла. Представление о виде и росписи подобных сосудов дает знаменитая ойнохоя из кургана Темир-Гора (Фармаковский 1914б: табл. VIII; IX; Копейкина 1972: рис. 1; Trofimova 2007, p. 24, fig. 3.1). Вероятно, в коллекции также представлены фрагменты и более распространенного типа ойнохой, имевших трехлепестковый венчик. «Классическая» ойнохоя этого типа представляла собой высокий сосуд с трехствольной ручкой, украшенный несколькими фризами с изображениями животных, фантастических существ, растительными и геометрическими орнаментами. Типичными для таких ойнохой являются фризы из цветов и бутонов лотоса, обычно помещенные в нижней части сосуда.

В коллекции хранятся лишь два фрагмента венчиков, оба они принадлежали «плоским» ойнохоям. Один из них⁴⁹ (табл. 6.5, 3; кат. 6.2.7) украшен поясом плетенки, нанесенной черным и золотисто-коричневым блестящим лаком по розоватому ангобу (Онайко 1966: табл. III, 1; Вахтина 1998а: 126–127, рис. 2, 1; 2000: 126, рис. 2, 2). Хорошее качество лака, тщательность выполнения орнамента позволяют отнести этот фрагмент к периоду SiA Ib, по хронологии М. Кершнера и У. Шлотцауера, рамки которого определяются 650–630 гг. до н.э. (Kerschner, Schlotzauer 2005).

К миниатюрной ойнохое этого же типа относится и небольшой фрагмент венчика⁵⁰ (табл. 6.5, 2; кат. 6.2.8), украшенный плетенкой, помещенной в метопу под краем, окрашенным черной краской (рис. 163). Вероятно, его можно отнести к тому же времени, что и предыдущий фрагмент — 650–630 гг. до н.э. Сосудов этого типа — плоских ойнохой —

в восточно-греческой керамике сохранилось немного. Тем больший интерес и ценность представляют немировские экземпляры.

В коллекции хранятся обломки трех доныев ойнохой на небольших кольцевых поддонах (табл. 6.6). На самом крупном из них⁵¹ (табл. 6.6, 2; кат. 6.2.9) сохранилась часть нижнего фриза сосуда с орнаментом из цветов и бутонов лотоса. На двух других⁵² (табл. 6.6, 1, 3; кат. 6.2.10, 6.2.11) сохранились лишь узкие пояски лака, выше которых располагались подобные фризы из чередующихся цветов и бутонов.

В коллекции имеются и другие фрагменты нижних фризов ойнохой, украшенных подобным образом (табл. 6.5, 4–9). На двух самых крупных обломках видны разделительные фризы плетенки, располагавшиеся над орнаментом из цветов (Vakhtina 2007: Taf. 63, 4). На первом фрагменте⁵³ (табл. 6.5, 9; кат. 6.2.12) сохранилось почти полное изображение цветка и часть бутона справа, на другом, вероятно, от этого же сосуда — фрагмент цветка и часть бутона⁵⁴ (табл. 6.5, 10; кат. 6.2.13). На других, более мелких⁵⁵, видны части цветов и бутонов (табл. 6.5, 4–7; кат. 6.2.14–17), на обломке придонной части⁵⁶ сохранилась лишь часть пояса «плетенки» (табл. 6.5, 8; кат. 6.2.18). На одном из фрагментов⁵⁷ над верхней частью придонного «цветочного» фриза и разделительного пояса плетенки видна нижняя часть плечевого фриза с изображением ног пасущихся козлов-эгагров (табл. 6.5, 11; кат. 6.2.19) (Vakhtina 2007: Taf. 63, 5). Такие фризы из цветов и бутонов лотоса характерны для керамики в стиле «дикого козла» (Wild Goat Style). Стилистические особенности изображения, высокое качество лака и ангоба, четкость рисунка позволяют отнести их к периоду SiA Ib и датировать, как и предыдущие обломки, 650–630 гг. до н.э.

В коллекции хранится еще один небольшой фрагмент⁵⁸ (табл. 11, 6, кат. 6.2.20),

⁵¹ 278/296.

⁵² 278/295 и 278/296.

⁵³ Дн 1933-1/202.

⁵⁴ Дн 1933-1/205.

⁵⁵ Дн 1933-1/212, Дн 1933-1/213, Дн 1933-1/216, 251/148.

⁵⁶ Дн 1933-1/211.

⁵⁷ 251/27.

⁵⁸ Дн 1933-1/223.

⁴⁹ 251/13.

⁵⁰ 278/290.

Рис. 163. Немировское
городище.
Венчик «плоской»
ойнохой 278/290

на котором сохранилась часть нижнего фриза закрытого сосуда с орнаментом в виде расходящихся лучей, что характерно для «плоских» (round-moulded) ойнохой. Такой орнамент, например, имеет нижний фриз «плоской» ойнохой из Лувра (Schiering 1957: Taf. 3, 2), также относящейся к периоду SiA Ib. Хотя, конечно, не исключена и датировка более поздним временем.

Фрагменты закрытых форм расписных греческих сосудов, найденные при раскопках Немировского городища, демонстрируют сходство в цвете и составе глиняного теста, цвете ангоба, лака, стиля росписи. Поэтому пересчет фрагментов на целые сосуды произвести невозможно.

Однако можно выделить фрагменты, принадлежавшие в древности к одному сосуду:

1) два обломка фризов⁵⁹, украшенных изображениями горных козлов-эгагров и собак (табл. 6.7, 1, 2), несомненно, принадлежали одной ойнохое (Онайко 1966: табл. III, 7; Вахтина 1998а: 126, рис. 2, 4, 6; Vakhtina 2007: Taf. 64, 3). Роспись выполнена тщательно, изображения животных отличаются изяществом. На одном из фрагментов⁶⁰ (табл. 6.7, 1) сохранилось изображение головы горного козла, идущего вправо вслед за бегущей собакой, хвост и часть задней ноги которой можно видеть в правой части черепка (кат. 6.2.21). Между фигурами козла и собаки помещена сложная розетка, выше — разделительный пояс плетенки. На другом фризе, которому принадлежал меньший фрагмент⁶¹ (табл. 6.7, 2; кат. 6.2.22), по-видимому, были представлены козлы, идущие вправо. Часть фигуры одного из них сохранилась в левой части обломка, окончание рогов второго видно в левой, узкой части обломка. На изобразительном поле дополнительный орнамент в виде простой и сложной розеток, ромбов, свастики. Эти фрагменты также можно отнести к периоду SiA Ib;

2) два фрагмента⁶² фризов, также украшенных изображениями идущих вправо козлов-эгагров (табл. 6.7, 3, 4; кат. 6.2.23–24), можно также отнести к обломкам одного сосуда (Вахтина 1998а: 126, рис. 2; 9; 10; Vakhtina 2007: Taf. 65, 1). Судя по толщине обломков, фрагменты принадлежали к разным фризам. Качество лака в росписи этих обломков хуже, чем на предыдущих экземплярах, на туловище козла, представленном на большем фрагменте, лак положен неровно. Морды козлов, изображенных на обломках, утрированно, почти карикатурно узкие, вытянуты вперед. Изящный дополнительный орнамент представлен простыми розетками, свастикой, ромбами. Вероятно, ойнохой, которой принадлежали эти фрагменты, можно отнести к середине периода SiA Ib — началу периода SiA Ic и поместить в хронологические рамки 640–620 гг. до н.э.;

3) три фрагмента (табл. 6.8, 1–3; кат. 6.2.25–27) принадлежали крупной ойнохое, украшенной изображениями ланей и собак (Вахтина 1998а: 126, рис. 2, 11–13; Vakhtina 2007: Taf. 64.1, 1–34; Vakhtina 2007: 30, fig. 7). Все они⁶³, вероятно, относились к одному фризу сосуда (среднему). На нем были помещены пасущиеся лани и бегущие собаки. Роспись выполнена черным лаком по кремевому ангобу, поверхность сильно потерта. На самом крупном фрагменте (табл. 6.8, 2) наиболее полно сохранилось изображение пятнистого грациозного животного. Голова с удлинённой мордой, большим круглым глазом, длинным ухом и маленькими рождками покоится на вертикальной шее, покрытой, как и туловище, крупными пятнами. На «пропущенной линии» в нижней части тела — два ряда мелких точек. Дополнительный орнамент, состоящий из розеток, ромбов и «подвесных» треугольников, выполнен контурными линиями.

Сходные изображения ланей с поднятыми головами, вытянутыми мордами, длинными

⁵⁹ Дн 1933-1/203 и Дн 1933-1/204.

⁶⁰ Дн 1933-1/203.

⁶¹ Дн 1933-1/204.

⁶² 251/27 и 251/36.

⁶³ Дн 1933-1/215 у всех фрагментов.

ушами и маленькими рожками можно видеть на ойнохоях с о. Родос (Clara Rhodos VI/VII: 59, 96, fig. 59) и фрагменте фигурного сосуда из раскопок на о. Хиос (Boardman 1967: pl. 54, п. 634). Некоторую близость в трактовке фигур этих животных также демонстрируют находки из Тарса (Goldman 1963: tab. 100, п. 1479). В керамике ориентализирующего стиля существовало два типа изображений средиземноморской лани — «пасущиеся» или «скачущие». Изображения этих копытных могли составлять отдельные фризы, а могли чередоваться с изображениями других животных, например, козлов или собак.

На фрагментах из Немирова лани изображены идущими вправо, с вытянутыми вперед, возможно, согнутыми передними ногами. На третьем, хуже всего сохранившемся фрагменте (**табл. 6.8, 3**) можно различить изображение собаки в позе «летающего бега». Глаз у собаки круглый, ухо, переданное в технике «пропущенных линий», как бы прижато к туловищу. Такая трактовка характерна для восточногреческой вазовой живописи третьей — начала последней четверти VII в. до н.э. (Schiering 1957: 51–52). К этому же типу относятся, например, изображения собак на ойнохое из кургана Темир-Гора или же на ойнохое из комплекса с материалами 640–600 гг. до н.э. (Clara Rhodos VI/VII: fig. 116; 118). Крупный заполнительный орнамент, включающий в себя «подвесные» розетки и треугольники, позволяет отнести этот сосуд к периоду SiA Ic (вероятно, к временному отрезку 630–620 гг. до н.э.). К этому же периоду, по-видимому, принадлежит и небольшой фрагмент фриза закрытого сосуда⁶⁴ (возможно, ойнохой), на котором сохранилась часть изображения пятнистой лани (**табл. 6.12, 5; кат. 6.2.28**). Можно различить лишь нижнюю часть туловища животного, под которым был помещен заполнительный орнамент в виде большой свастики. Изображения этого животного в окружении крупного заполнительного орнамента, как и на рассмотренных выше немировских фрагментах, характерны для последней трети VII в. до н.э. (Walter 1968: Taf. 102, Kat. 537; Kalatizoglu 2008: Taf. 79, Kat. 410).

На ряде фрагментов немировской коллекции сохранились части фигур собак, очевидно, представленных в сценах преследования травоядных животных на фризах

закрытых сосудов. Самой тщательной проработкой отличается рисунок на фрагменте с изображением головы и передней части тела этого животного и четырехлепестковой розетки⁶⁵ (**табл. 6.9, 1; кат. 6.2.29**) (Вахтина 1998а: 128, рис. 3, 1; Vakhtina 2007: Taf. 64.4, 2). У собаки отстоящее сердцевидное ухо, круглый глаз, оскал передан тонкой волнистой линией, придающей морде «улыбающееся» выражение. Роспись выполнена темно-коричневым лаком по желтоватому ангобу. На плече собаки, между линиями, оставленными в цвете ангоба и подчеркивающими мускулатуру животного, а также на его шее, лак разбавлен и имеет красноватый оттенок, выразительно оттеняя детали. В правой части фрагмента, у морды собаки, сохранился заполнительный орнамент в виде крупной четырехлепестковой розетки. Наиболее близкими к изображениям этого типа собак из Немирова являются изображения этих животных на фрагментах ваз из Аль-Мины (Robertson 1941: 10, pl. 1, h, j). Еще три небольших фрагмента, хранящихся в эрмитажной коллекции, принадлежали этому же сосуду⁶⁶. На двух из них⁶⁷ (**табл. 6.9, 2, 5; кат. 6.2.30–31**) можно видеть заднюю ногу и часть хвоста собаки, на третьем — части фигур козлов (**табл. 6.9, 3; кат. 6.2.32**). Очевидно, сосуд был украшен фризами с изображениями козлов и собак. На фрагментах сохранились части разделительных поясов плетенки и элементы заполнительного орнамента в виде розеток и ромбов. Характер изображений позволяет поместить этот сосуд в рамки периода SiA Ib (650–630 гг. до н.э.).

К сосуду, по-видимому, вышедшему из той же мастерской, принадлежит еще один небольшой фрагмент фриза⁶⁸ (**табл. 6.9, 4; кат. 6.2.33**), на котором сохранилась часть головы собаки вправо и элементы заполнительного орнамента (Вахтина 1998а: 128, рис. 3, 2). Изображение имеет стилистическое сходство с изображением собаки на фрагменте, речь о котором шла выше.

Еще одно изображение собаки можно видеть на крупном фрагменте с частями двух фризов⁶⁹, разделенных поясами плетенки

⁶⁵ 251/40.

⁶⁶ Они хранятся под инв. № 251/26 и 251/40.

⁶⁷ 251/40 и 251/26.

⁶⁸ 278/291.

⁶⁹ 2819/18.

⁶⁴ 251/162.

(табл. 6.9, 6; кат. 6.2.34), на которых были изображены козлы и собаки (Вахтина 1998а: 128, рис. 3, 5). Роспись нанесена хорошим, темным, блестящим лаком. В правой части верхнего фриза видна часть фигуры собаки с закругленной короткой мордой и выпуклой частью «лба», переходящей в сердцевидное ухо. Рисунок выполнен небрежно, передняя лапа собаки излишне длинная и тонкая, что, возможно, свидетельствует об удлинённых пропорциях фигуры животного. Нижняя часть лапы передана схематично. От фигур эгагров сохранились лишь незначительные части.

Еще Л. И. Копейкина отмечала стилистическую близость росписи целого ряда фрагментов греческой керамики, найденной в результате раскопок Немировского городища, декору знаменитой ойнохой из основного погребения в кургане Темир-Гора близ Керчи (рис. 164). Исследовательница даже высказала предположение о том, что сосуды из Темир-Горы и Немирова вышли из одной мастерской (Копейкина 1972: 158). Изучение образцов греческой керамики из эрмитажной коллекции показывает справедливость этого предположения. Особенно явно эта близость заметна в росписи крупного фрагмента среднего фриза ойнохой⁷⁰ с изображением скачущих вправо козлов-эгагров (табл. 6.10, 1; кат. 6.2.35), украшавшего тулово ойнохой (Копейкина 1972: рис. 5; Вахтина 1998а: 126, рис. 2, 8; Vakhtina 2007: 32, fig. 9). В верхней части обломка видны изображения верхнего фриза, отделенного поясом плетенки: ноги идущего влево козла и часть передней лапы какого-то крупного существа, скорее всего, льва, сфинкса или грифона.

По мнению Л. В. Копейкиной, немировский фрагмент на 10–20 лет «моложе» ойнохой из Темир-Горы. Однако, как нам представляется, это впечатление возникает в силу того обстоятельства, что в нашем случае мы имеем дело с фрагментами, а не с целым сосудом. Несомненно, немировские фрагменты расписных сосудов в большинстве своем синхронны ойнохое из Темир-Горы⁷¹. Кроме вышеупомянутого крупного фрагмента, изданного Л. В. Копейкиной, изображения козлов-эгагров, элементы заполнительного орнамента на ряде

более мелких обломков из Немирова также демонстрируют стилистическое сходство с росписью сосуда из Темир-Горы. Мы полагаем, что наиболее вероятная дата сосуда из Темир-Горы и целого ряда стилистически близких фрагментов из раскопок Немировского городища — 40-е гг. VII в. до н.э.

От подобных ойнохой, украшенных фризами с изображениями «пасущихся» или «скачущих» козлов-эгагров, сохранились мелкие фрагменты⁷², на которых видны части фигур козлов, разделительной плетенки, элементы заполнительного орнамента (табл. 6.10, 2–5, кат. 6.2.36–39; 6.11, 1–5, кат. 6.2.40–44). Среди них особый интерес представляет небольшой фрагмент фриза⁷³, на котором сохранилось изображение какого-то маленького животного (табл. 6.11, 1; кат. 6.2.40), показанного идущим вправо вслед за более крупным (Вахтина 1998а: 128, рис. 3, 6; Vakhtina 2007: Taf. 64.4, 4). Роспись нанесена черным и золотисто-коричневым лаком высокого качества; сохранились элементы заполнительного орнамента в виде крупной восьмилепестковой и небольшой крестовидной розетки. Трудно определить, какое именно животное здесь представлено. Скорее всего, это изображение детеныша травоядного (эгагра?), идущего в цепочке взрослых особей, как, например, на сосудах из Ларисы (Boehlau, Schefold 1942: Taf. 19).

На фризах (как правило, верхних) закрытых сосудов, расписанных в ориентализирующем стиле, часто помещали изображения хищных животных или фантастических существ. На одном из немировских фрагментов⁷⁴ (табл. 6.12, 3; кат. 6.2.45) сохранилась передняя лапа льва (?) (Вахтина 1998а: 128, рис. 3, 10; Vakhtina 2007: Taf. 64.4, 3). Рядом помещены розетки — крупная четырехлепестковая и мелкая крестовидная. На одном маленьком обломке видна часть фигуры лани, ниже — орнамент в виде крупной свастики (Vakhtina 2007: Taf. 64.4, 5). Судя по элементам композиции, изображения были крупными. Трудно судить о дате такого небольшого фрагмента, однако вероятнее всего определить его датировку в пределах периода SiA Ic (630–610 гг. до н.э.).

На фрагменте верхнего фриза другой ойнохой⁷⁵ изображены две ласточки вправо,

⁷⁰ Дн 1933-1/206.

⁷¹ Правда, следует отметить, что глина немировских фрагментов по цвету отличается от глины, из которой изготовлена ойнохоя из Темир-Горы; глина последней розоватого цвета, тогда как немировская керамика имеет глину более темного оттенка.

⁷² Дн 1933-1/210, 251/52, 251/27, 251/28, 251/45, 251/47, 278/80, 278/278.

⁷³ 251/28.

⁷⁴ 278/289.

⁷⁵ Дн 1933-1/208.

сидящие на сложных восьмилепестковых розетках (**табл. 6.12, 1; кат. 6.2.46**) (Вахтина 1998а: 128, рис. 2, 5; Vachtina 2007: 31, fig. 8; Vakhtina 2007: Taf. 64.2, 1). Выше расположен пояс из лепестков, обрамлявший горло сосуда. Слева от изображения ласточек располагалась крупная орнаментальная эмблема, часть которой видна в левой части черепка. Такие крупные эмблемы, фланкирующие композиции верхних фризов ойнохой, известны в ориентализирующей вазописи начиная с раннего периода возникновения этого стиля (Graeve 1974: pl. 26, 78; Kerschner, Schlotzhauer 2005: 12, fig. 3). В нижней части фрагмента видна часть растительного (?) орнамента. Рисунок четкий, фигурки птиц, их глаза, клювы, крылья переданы с большой тщательностью. Это, безусловно, свидетельствует о высоких художественных достоинствах росписи сосуда.

Изображения ласточек, сидящих на стеблях пальметок, розетках, рогах эгагров, хвостах львов и фантастических существ, можно найти в декоре сосудов раннеориентализирующего стиля (см. CVA, Louvre, II: pl. 6; 33, tab. 49, 1-a, b; Копейкина 1973: 240). Наиболее близки изображениям птиц на немировском фрагменте изображения на ойнохоях с о. Родос (Kinch 1914: 211, fig. 98; Clara Rhodos, VI/VII: tab. 6, 7) и ойнохое из частного собрания в США (CVA, USA, fasc. 8: f. 8, t. 33, 3). Возможно, сосуд из Немирова можно отнести к началу периода SiA Ib (650–640 гг. до н.э.).

К верхнему фризу другого закрытого сосуда, вероятно, также ойнохой, принадлежал фрагмент⁷⁶ с изображением водоплавающей птицы (вероятно, утки) влево (**табл. 6.12, 2; кат. 6.2.47**) (Вахтина 1998а: 128, рис. 3, 3; Vakhtina 2007: Taf. 64.2, 2). От него сохранилась лишь часть хвостового оперения в левой части черепка. Выше видна нижняя часть орнамента в виде лепестков или «лучей» под горлом сосуда. Справа от изображения птицы сохранились элементы дополнительного орнамента в виде точечной розетки, крупной четырехлепестковой розетки и фрагмента «подвесной» розетки в нижней части. Изображения водоплавающих птиц часто встречаются в росписи сосудов ориентализирующего стиля. Их помещали в верхних фризах идущими друг за другом, или же в окружении других животных, или среди орнаментальных

эмблем (Clara Rhodos, VI/VII: 212, fig. 100; Kinch 1914: 211, fig. 96; 97; Kalaizoglou 2008: Taf. 78, Kat. 407; Taf. 108, Kat. 531; Taf. 144, Kat. 543). Характер изображения и заполнительного орнамента позволяет датировать фрагмент в пределах конца периодов SiA Ib – раннего SiA Ic (640–610 гг. до н.э.).

Рис. 164. Ойнохоя из кургана Темир-Гора (Trofimova 2007: 24, fig. 3, 1)

Столовые амфоры

Несколько фрагментов из немировской коллекции принадлежали столовым амфорам.

Несомненный интерес представляют фрагменты венчика и верхнего фриза большой амфоры (**табл. 6.13; кат. 6.2.48–49**) (аналогию формы этого сосуда см. Cook, Dupont 1998: 58–59, fig. 8, 22). Всего в коллекции хранится три фрагмента венчика⁷⁷ (**кат. 2.48**). Один из них был впервые издан Н. А. Онайко и определен как фрагмент кратера начала VI в. до н.э. (Онайко 1966: табл. V, 1; см. также Вахтина 2000: 214, табл. I, 7; II, 1, 2; IV).

Фрагмент верхнего (плечевого) фриза сосуда⁷⁸ был обнаружен еще при первых ис-

⁷⁷ 251/25 и 278/284 (под этим номером два обломка).

⁷⁸ Дн 1909-3/1 (24340).

⁷⁶ 251/108.

следованиях городища в 1909 г. Высота его 14,2 см, диаметр в верхней части около 30 см, толщина стенок 0,6–0,8 см. Глина серовато-коричневая, с многочисленными мелкими блестками слюды. Роспись нанесена черным лаком по кремовому ангобу. Детали росписи подчеркнуты «пропущенными линиями», гравировка и накладные краски не использовались. Горло сосуда было украшено фризом из цветов и бутонов лотоса, обращенных вниз, под ним помещался разделительный пояс плетенки, ограниченный поясками из узких линий. К росписи плечевого фриза относится изображение сидящего льва вправо, на его хвосте помещены две ласточки, обращенные друг к другу. Фигура льва сохранилась почти полностью: недостает морды, левой передней и задних лап, окончания правой передней лапы и конца хвоста. В левой части фрагмента, по-видимому, изображена часть хвоста другого льва или фантастического существа, обращенного влево. Заполнительный орнамент состоит из розеток (на фрагменте видны восьмилепестковая розетка над спиной льва, крупная четырехлепестковая ниже тела животного и небольшие четырехлепестковые с лепестками в виде ромбов) и «крестов».

Еще несколько обломков, которые можно отнести к этому сосуду, были найдены позже, в процессе работ Юго-Подольской экспедиции под руководством М. И. Артамонова. В 1948 г. удалось обнаружить еще один фрагмент (из двух обломков) с частью росписи фриза из цветов и бутонов лотоса⁷⁹, обращенных вниз, подошедший к фрагменту, обнаруженному во время раскопок С. С. Гамченко. Таким образом, фрагмент плечиков был дополнен обломком нижней части горла сосуда, и фрагмент, хранящийся в настоящее время в Эрмитаже, склеен из трех обломков (табл. 6.13, 1). В таком виде он и был издан Н. А. Онайко (1966: табл. III, 5), а также воспроизведен в других публикациях (Вахтина 1998а: 128, рис. 3, 8; Kerschner, Slotzhauer: 21, fig. 15; Kerschner 2006a: 236–237, Abb. 13).

В коллекции античной керамики из раскопок Немировского городища удалось обнаружить еще два обломка этого сосуда (табл. 6.13, 4, 5; кат. 6.2.49). Они также были найдены в 1948 г. Эти обломки, соединяющиеся в один фрагмент⁸⁰, также относились к горлу сосуда, украшенному фризом из цветов и бутонов

лотоса, но не «стыкуются» с предыдущими его частями. Они, на наш взгляд, «безусловно» принадлежали рассматриваемому сосуду. Возможно, к тому же фризу относится еще один небольшой фрагмент⁸¹, на котором видны верхняя часть обращенного вниз бутона, от основания его⁸² вверх отходят два стебля, слева — незначительная часть лепестка (табл. 6.13, 2; кат. 6.2.50).

С большой степенью вероятности к этому же сосуду можно отнести небольшой фрагмент, происходящий из раскопок А. А. Спицына⁸³. В нижней части обломка сохранилось изображение петлевидных «стеблей лотоса», представляющих собой нижнюю часть фриза цветов и бутонов, обращенных вниз, выше помещена полоса «шахматного» орнамента, над ним расположен пояс плетенки (табл. 6.14, 1; кат. 6.2.51).

Возможно, этому же сосуду принадлежали и три фрагмента венчика с верхней частью горла. Два таких фрагмента⁸⁴ (табл. 6.14, 2, 3; кат. 6.2.52, 6.2.53) были найдены в процессе работ Юго-Подольской экспедиции в 1947 г., они были обнаружены в заполнении землянки № 2. Еще один обломок⁸⁵ (табл. 6.13, 3, 4; кат. 6.2.54) происходит из раскопок 1948 г. Все фрагменты имеют идентичные глину и декор. Широкая верхняя плоскость отогнутого наружу венчика украшена поясом простой плетенки, ограниченной с обеих сторон узкими полосами лака. На боковой грани венчика помещен орнамент в виде «елочки», под краем с внешних сторон — узкие пояски темного лака; на большем из фрагментов на внешней стороне у перехода к горлу можно видеть часть орнамента из вертикальных «лучей» или «язычков» темного лака. На внутренней стороне под краем сохранилось темное покрытие.

⁸¹ 251/46.

⁸² По-видимому, овал с продолговатым пятном темного лака в центре, помещенный в основании цветка, означает цветоложе, от которого и отходят стебли. Это — единственная подобная трактовка бутона на фрагментах, предположительно относящихся к этому сосуду. На остальных в основании изображений стилизованных цветов и бутонов лотоса изображений цветоложа не видно, что вызывает определенные сомнения в отнесении обломка инв. № 251/46 тому же фризу, потому что обычно в «цветочных» фризах все цветы и бутоны трактовались единообразно. Поэтому не исключена возможность принадлежности этого фрагмента к другой подобной амфоре.

⁸³ Дн 1933-1/209.

⁸⁴ Оба под инв. № 278/284.

⁸⁵ 251/25.

⁷⁹ Под тем же инв. номером.

⁸⁰ 251/20.

Обломки горла не соединяются между собой; они имеют близкие диаметры — 30–31 см. Небольшое расхождение в реконструируемых диаметрах фрагментов, возможно, объясняется тем, что форма горла не была правильно круглой. Таким образом, учитывая сходную глину, близость орнаментации, можно предположить, что эти фрагменты принадлежали горлу одного сосуда, хотя, конечно, не исключена возможность, что они происходят от разных, но чрезвычайно близких, изготовленных в одной мастерской экземпляров. Представляется, что можно с большой степенью вероятности допустить, что один из этих обломков (или же все три) может (могут) относиться к верхней части амфоры. Кроме близости их орнаментации, в пользу этого предположения свидетельствует и то обстоятельство, что два фрагмента «объединяет» место находки: они происходят из одного комплекса — землянки № 2. Экземпляр из раскопок 1948 г., возможно, принадлежал еще одному подобному сосуду.

Найденные части, как бы «дополнившие» наиболее интересный в художественном отношении фрагмент, позволили высказать предположение о форме, характере росписи, центре производства и дате всего сосуда (Вахтина 2017: 254–255, рис. 2). Они принадлежали, как уже говорилось выше, большой столовой амфоре, украшенной росписью во фризах в «стиле дикого козла» («Wild Goat Style») и изготовленной в одном из центров Южной Ионии, возможно, в Милете. М. Кершнер и У. Шлотцауэр отнесли фрагмент из Немирова к хронологической группе SiA Ib (650–630 гг. до н.э.) (Kerschner, Schlotzhauer 2005: fig. 15). На наш взгляд, наиболее вероятное время изготовления сосуда — 40-е — 30-е гг. VII в. до н.э. Форма его — столовая амфора с цилиндрическим горлом, отогнутым наружу краем венчика и двумя боковыми горизонтальными двух- или трехствольными ручками — достаточно хорошо известна среди продукции североионийских (эолийских) центров (Cook, Dupont 1998: 58–59, fig. 8.21, 8. 22; Iren 2003: Abb. 25; 31; 35; 38; 42; Taf. 18–21; 37). Однако подобная форма не характерна для керамического производства Южной Ионии в эпоху архаики. Среди известной в настоящее время продукции южноионийских мастерских такие сосуды

пока не известны. Для региона Северного Причерноморья это также пока — единственная находка.

Предположение Н. А. Онайко, некогда определившей фрагмент венчика этого сосуда как край кратера (Онайко 1966: 59–60, кат. 106), несомненно, имело основания: немировский экземпляр, по-видимому, сочетал морфологические признаки этих двух форм — архаической столовой амфоры и кратера. О форме и декоре южноионийских кратеров этого времени можно судить, например, по замечательной находке из Ассоса (Kalatizoglu 2008: Taf. 108, Kat. 531).

Роспись немировского сосуда отличается высокими художественными достоинствами, выражающимися в тонкости рисунка и тщательности композиции. Однако нельзя не заметить, что мастера постигла неудача с качеством лака — на фризе из цветов и бутонов лотоса он, вероятно, был слишком жидким и потому лег неровно, образовал «потеки», «выцвел» и от времени местами приобрел рыжеватый оттенок. Не исключено, что над основными композициями фризов работал один мастер, а над деталями орнамента — другой.

Кроме формы, необычными являются и размеры сосуда. Внешний диаметр венчика амфоры был приблизительно равен 30 см. Конечно, сложно судить на основании дошедших до нас фрагментов о высоте сосуда, однако можно предположить, что она была не менее 50–60 см. Таким образом, изображенных фризов было не менее четырех. Несомненно, огромный сосуд, украшенный сложной системой изображений во фризах, был достаточно дорогим, ценным предметом как в глазах греков, так и варваров, на городище которых он, в конечном счете, попал. Такая вещь, безусловно, прекрасно «вписывается» в русло концепции о дипломатических дарах эллинов, предназначавшихся элите местного общества. Отметим, что в варварском мире Северного Причерноморья известен еще один восточногреческий архаический сосуд, впечатляющий своими размерами. Это «большая ойнохоя» из скифского кургана у хут. Красный близ ст. Крымская Краснодарского края (Шевченко 2013: 112–114, рис. 9; 10), как и немировский фрагмент, относящаяся к периоду SiA Ib. Вы-

сота этого сосуда — 42 см, своими размерами он превосходит известные в настоящее время «плоские» ойнохои⁸⁶. Крупные, буквально гигантские (на фоне известных нам находок этого круга) размеры сосудов из Немирова и кургана у хут. Красный, несомненно, были знаковой чертой, придающей импортируемым сосудам особую ценность. Таким образом, расписная столовая амфора, фрагменты которой хранятся в немировской коллекции, уникальна для региона по своим форме и размерам. Она является не только интереснейшим образцом греческой архаической вазописи, но и, как нам представляется, чрезвычайно важна для понимания различных аспектов ранних греко-варварских связей в регионе.

На основании сохранившихся обломков верхней части амфоры можно попытаться представить, как выглядел сосуд (**рис. 165; табл. 6.13**). Он имел расширявшееся в верхней части горло, украшенное росписью из цветов и бутонов лотоса, располагавшихся под пояском из чередующихся темных и светлых квадратов (первые были нанесены черным лаком, вторые оставлены в цвете ангоба). Сосуд имел петлевидные горизонтальные ручки, крепившиеся к плечикам. Под горлом, ниже разделительного фриза плетенки, помещался фриз с изображением двух львов, представленных сидящими спинами друг к другу. Размеры сосуда в сочетании с «богатой» росписью, несомненно, производили большое впечатление на обитателей городища.

Подобной амфоре, вероятно, принадлежал фрагмент средней части петлевидной ручки (**табл. 6.12, 4; кат. 6.2.55**), украшенной горизонтальными продолговатыми «язычками» черного лака⁸⁷. Глина фрагмента светло-коричневая, плотная, без видимых примесей, роспись нанесена по коричневатому ангобу. Такие ручки были характерны для сосудов, распространенных в последней трети VII — начале VI в. до н.э. (SiA Ic — SiA Id).

В эрмитажной коллекции хранится фрагмент еще одной небольшой амфоры

⁸⁶ Так, например, другая ойнохоа, происходящая из этого же кургана, почти в два раза меньше — высота ее 23,2 см (Шевченко 2013: 110–111, рис. 8); высота ойнохои из основного погребения кургана Темир-Гора в Восточном Крыму — 27 см (Копейкина 1972: 148, прим. 5).

⁸⁷ Дн 1933-1/217.

(**табл. 6.15, 1; кат. 6.2.56**), расписанной в стиле «позднего дикого козла» (LWG Style)⁸⁸. Он принадлежал небольшому сосуду, украшенному одним расписным фризом. От этого фриза сохранился обломок с изображением козла-эгагра (сохранилась лишь часть его передней ноги) и четырехлепестковой розетки (Вахтина 1998а: 128, рис. 3, 9; 2000: 213, табл. 1, 6; Vakhtina 2007: Taf. 65.3, 1).

Тип амфоры, украшенной лишь одним фризом, появляется в восточно-греческой керамике в самом начале VI в. до н.э. Серия таких сосудов была обнаружена при раскопках Токры в слое 580–560 гг. до н.э. (Boardman, Hayes 1966: 41–42). В Северном Причерноморье амфоры этого типа (Tosra type) представлены находками на Березани (Копейкина 1968: 44; Березань-Борисфен 2005: п. 51–53; Kerschner 2006b: 140, Abb. 7, 10, 12), в Истрии (Alexandrescu 1978: pl. 1, 3–11), Ольвии (Буйских 2013а: 45 сл.) и ее округе (Bujskich, Bujskich 2013: 12, Abb. 7, 3), на греческих поселениях Боспора: в Мирмекии (Виноградов 1992: 31–33, 151, табл. 7), Гермонассе (Сидорова 1987: 114, рис. 3, а–2) и Кепах (Николаева 1977: 150–153), на поселении Голубицкая 2 на Тамани (Журавлев, Шлотцауэр 2014: 139–140, рис. 2, 1, 3; Шлотцауэр 2016: 41, рис. 1, 2). Известны находки подобных сосудов и в погребениях местного населения Северного Причерноморья: в Приднепровье (Мухопад 1988: 111–113) и на Тамани (Руднева 1912: 105–106, рис. 1, 2; Вахтина 2015: рис. 1).

Л. В. Копейкина, посвятившая березанским амфорам отдельную работу, полагала, что эти сосуды составляют компактную группу, и высказала предположение, что все они производились в одном центре, в одной или нескольких мастерских (Копейкина 1968: 47). Деятельность этих мастерских связывают с областями Северной Ионии (Cook, Dupont 1998: 56). Судя по плохому качеству лака и изображения, амфора из Немирова, к которой принадлежал фрагмент, была изготовлена в конце периода бытования этого типа, во второй четверти VI в. до н.э. (по НАА: о. Теос).

Керамика с темным покрытием

В эрмитажной коллекции хранятся фрагменты двух небольших закрытых сосудов с темным покрытием (Vakhtina 2007: Taf. 65, 2).

⁸⁸ 278/279.

Глина фрагментов светлая, розовато-коричневая, с очень редкими мелкими примесями слюды. От первого сосуда, имевшего, по-видимому, шарообразную форму, сохранились фрагменты верхней части тулова⁸⁹ (табл. 6.15, 2–5; кат. 6.2.57); темное покрытие в верхней его части приобрело коричневатый оттенок. От другого сосуда сохранился фрагмент⁹⁰ средней части шаровидного тулова, украшенного двумя горизонтальными полосами оранжевато-коричневого лака (табл. 6.15, 6; кат. 6.2.58). Возможно, сосуд, к которому он принадлежал, по типу и орнаменту близок экземпляру с шаровидным туловом, найденному во время раскопок Эфесского Артемисиона (Kerschner 1997: 170, Taf. XVI, Nr. 129). Фрагменты сосудов, по характеру покрытия и орнаментации сходные с немировскими, происходят из раскопок на территории Тарса (Турция). Х. Гольдман пришла к заключению, что большинство из сосудов с темным покрытием, иногда имевшие орнамент в виде светлых горизонтальных полос, были изготовлены на Родосе, и существовали синхронно керамике в «стиле дикого козла» (WG style) (Goldman 1963: 291). М. Вилар и Дж. Валле также полагали, что керамика, имевшая черное покрытие, производилась в Южной Ионии и на Родосе во второй половине VII — первой половине VI в. до н.э. (Vallet, Villard 1978: 90).

Керамика с «полосатой» росписью

Н. А. Онайко писала о находках на Немировском городище керамики с «полосатой» росписью (Онайко 1966: 60, кат. № 117). В действительности, все обломки, хранящиеся в коллекции, принадлежат одному сосуду — небольшой ойнохое с шаровидным туловом (Вахтина 1998а: 134, рис. 5; 2000: 214, табл. II, 3; Vachtina 2007: 33, fig. 10; Vakhtina 2007: Taf. 65.4). От нее сохранились фрагмент трехлепесткового венчика и фрагменты тулова с росписью в виде широких и узких полос красного лака⁹¹. Глина фрагментов розовая, плотная, с мелкими единичными блестками слюды. Роспись нанесена по розоватому ангобу. Трехлепестковый венчик по краю был покрыт широкой красной полосой, такая же полоса лака шла и по вну-

⁸⁹ Все фрагменты имеют инв. номер 251/14.

⁹⁰ Дн 1933-1/221.

⁹¹ Инв. номер венчика 251/12; остальные имеют номер 2819/35.

тренней его поверхности. Судя по сохранившимся фрагментам, максимальный диаметр тулова равнялся 24 см. На основании сохранившихся обломков и широкого круга аналогий несложно представить, как выглядела ойнохоя (табл. 6.16; кат. 6.2.59). Подобный тип сосуда известен в материалах античных центров Западного и Северного Причерноморья. Серия подобных сосудов происходит из раскопок Истрии (Alexandrescu 1978: 32, 98, fig. 1, pl. 68). Одна из таких «полосатых» ойнохоя была найдена в погребении XVII/11 некрополя Истрии и датируется по археологическому контексту временем около середины VI в. до н.э. (Alexandrescu 1966: 150, pl. 68). Известны такие сосуды и на Березани (Березань-Борисфен 2005: 54, п. 70).

Ойнохоя, близкая ойнохое из Немирова, была обнаружена при раскопках Анапского поселения, в слое, датированном второй

Рис. 165. Немировское городище.

Схематическая реконструкция южно-ионийской столовой амфоры Дн 1909-3/1, Дн 1933-1/217, 251/20, 251/25, 251/46 (графика И. Н. Лицука)

половиной VI — V в. до н.э. (Алексеева 1991: 45–46, 142, табл. 70, 7). Тип небольшой ойнохои с трехлепестковым венчиком, шаровидным туловом и вертикальной ручкой существовал на протяжении всего VI в. до н.э., позже пропорции сосуда становятся более стройными.

Сосуд из Немирова, вероятно, можно отнести ко второй четверти — середине VI в. до н.э., хотя не исключена и его датировка несколько более ранним временем. Это пока единственный образец ионийской керамики с «полосатой» росписью, найденный на городище. Данные НАА свидетельствуют о его производстве в мастерских Северной Троады.

5.4. О датах и топографии находок греческой керамики

Нетрудно заметить, что основная масса греческой импортной столовой керамики, найденной во время раскопок Немировского городища, относится к периоду Middle Wild Goat Style I (Cook 1997: 112) или SiA Ib (Kerschner, Shlotzhauer 2005: 8; 17–26). Этим периодам соответствуют хронологические рамки 650/640–630/625 гг. до н.э. «Разброс» датировок отдельных экземпляров представлен на хронологической схеме (рис. 166). Образцы, которые можно отнести к VI в. до н.э., малочисленны, а те, которые «выходят» за середину столетия — единичны и представлены, в основном, фрагментами амфор.

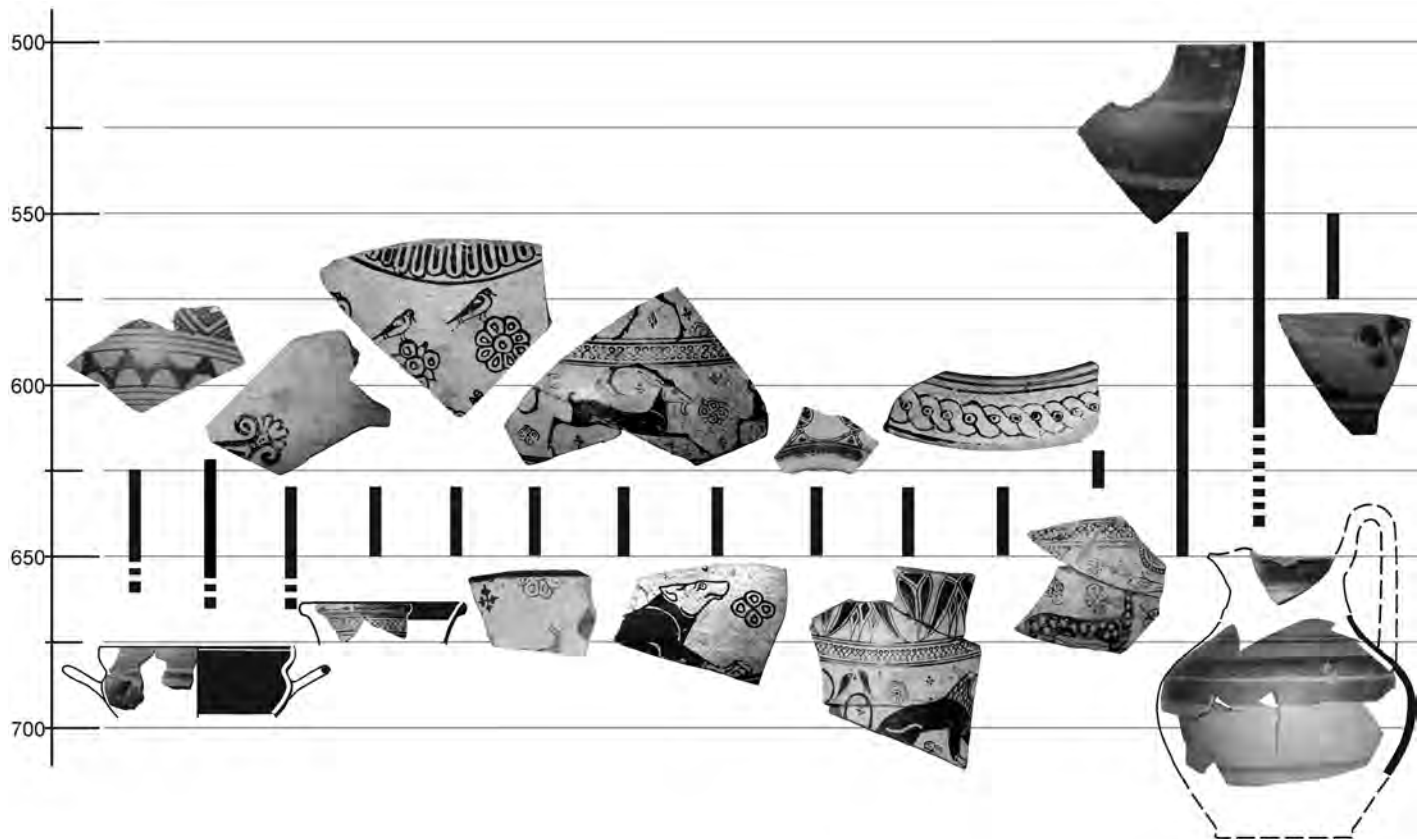
Ряд ранних фрагментов расписной керамики можно соотнести с комплексами землянок № 1 и № 2. В заполнении землянки № 1 были обнаружены фрагменты ойнохой с росписью в стиле WG (Вахтина, Кашуба 2014: 80, рис. 1), которые можно отнести к фазе SiA Ib (650–630 гг. до н.э.). Фрагмент стенки ойнохой с частью фриза с изображением скачущих козлов был найден в заполнении придонной части землянки, на глубине 1,75 м от дневной поверхности⁹². В заполнении землянки № 2 были найдены два фрагмента венчиков столовой амфоры, принадлежавшие к тому же периоду (Вахтина, Кашуба 2014: 81, рис. 2) (см. гл. 6).

⁹² Полевой шифр этого обломка ЮП-II Н 60. Он был соединен с более крупным фрагментом, происходящим из раскопок А. А. Спицына. В настоящее время оба хранятся под инв. номером Дн 1933-1/206.

5.5. Место коллекции греческой керамики из раскопок Немировского городища среди синхронных находок античного керамического импорта на других памятниках лесостепи

По количеству найденных образцов греческой архаической керамики Немировскому городищу принадлежит особое место среди памятников лесостепной Скифии. В течение долгого периода времени оно оставалось «лидером» среди скифских городищ по объему греческого импорта. Это позволило Я. В. Доманскому высказать гипотезу о том, что это поселение могло играть роль транзитного пункта в греко-варварской торговле: согласно его предположению, античные импорты попадали первоначально в Немиров, а затем оттуда — на другие лесостепные памятники региона (Доманский 1970: 51–52).

Однако логично представить, что и другие крупные поселения региона также имели возможность в архаическую эпоху устанавливать прямые связи с античными центрами. В последние десятилетия это представление подтвердили раскопки древнейших слоев и комплексов *Бельского городища*. Исследования этого огромного укрепленного поселения на Левобережье Днепра дали большое количество находок античной архаической керамики (Задников 2004; 2009; 2010; 2014а; 2014б). Среди находок на Бельском городище — фрагменты скифосов с изображением заштрихованных фигурок птиц, ромбов и треугольников (bird-bowles), датирующиеся последней четвертью VII в. до н.э. и несколько фрагментов с росписью «в стиле дикого козла» (Wild Goat style), очень близкие хронологически и стилистически ойнохоям из Немирова (Задников 2007: рис. 1, 1, 2 (bird-bowles), 3–8 (ойнохой); см. также Шрамко, Задников 2010: 297–298, рис. 3; 4). Всего за годы раскопок Бельского городища было найдено более 7000 образцов античной посуды (Задников 1914а), значительная доля находок которой приходится на раннее время. К сожалению, подсчет фрагментов архаических расписных сосудов, найденных на городище, произведен не был, однако, судя по публикациям, по количеству фрагментов восточно-

греческих амфор ранних типов, Бельское городище «опередело» Немировское.

По сравнению с этими двумя городищами-гигантами количество находок греческой архаической керамики на других памятниках лесостепи выглядит гораздо скромнее. Среди этих памятников упомянем, прежде всего, *Трахтемировское городище*, из раскопок которого происходит фрагментированный килик с изображением птиц (bird-bowl) (Онайко 1966: табл. III, 12 а-г; XXV, 3), найденный в культовой постройке (Дараган 2011: 518, рис. IV.59). М. Кершнер датирует этот сосуд второй четвертью VII в. до н.э. и считает его древнейшей находкой греческого импорта на территории лесостепи (Kerschner 2006a: 238–239, Abb. 14). А. В. Буйских полагает, что наиболее вероятная дата этого сосуда — вторая — начало третьей четверти VII в. до н.э. (Буйских 2015: 246). Из другого комплекса городища происходит фрагмент закрытого сосуда (вероятнее всего, ойнохой), на котором сохранилась часть росписи — голова грифона (Ковпаненко 1968: 109, рис. 9), который можно предположительно отнести к периоду SiA Ib или началу периода SiA Ic, то есть датировать в интервале 650–620 гг. до н.э.

К третьей четверти VII — началу VI в. до н.э. может относиться фрагмент сосуда (ойнохой?) из поселения у с. *Жаботин* (Онайко 1966: табл. III, 9; Покровская 1973: 183, рис. 8, 7).

В начале VI в. до н.э. находки расписной восточно-греческой керамики ориентализирующего стиля зафиксированы и на других городищах лесостепи, например, на *Пастырском* (Фармаковский 1914a: табл. II, 1, 2). К концу столетия греческий керамический импорт распространяется на огромной территории, достигая на севере *Хотовского городища*, расположенного на границе лесостепной и степной зон (южная окраина современного Киева) (Онайко 1966: табл. 11, 17; 5, 10; Петровская 1970: 137, рис. 12). Самые ранние находки греческих амфор на этом городище можно отнести к середине VI в. до н.э. (Дараган 2005).

Образцы ранней греческой керамики были найдены в составе двух погребальных памятников Правобережной Днепровской лесостепи. Из погребения в *кургане № 1* у с. *Болтышка* на правом берегу Днепра (бассейн р. Тясмин) происходит фрагмент горла «плоской» ойнохой со сценой преследования собакой горного козла (Фармаков-

Рис. 166. Хронологическая схема основных датированных экземпляров и групп греческой расписной керамики из раскопок Немировского городища

ский 1914а: табл. VI; VII; Онайко 1966: табл. I; II). М. Кершнер и У. Шлотцауэр помещают этот фрагмент, как и ойнохою из Темир-Горы и немировские фрагменты, в группу SiA Ib, которая датируется 650–630 гг. до н.э. (Kerschner, Schlotzhauer 2005: 20, fig. 13).

По-видимому, к самому концу VII — началу VI в. до н.э. следует отнести южноионийский кувшин с росписью в виде полос и волнистых линий из погребения 2 кургана Репяховатая могила (Буйских 2013а: 116). Вероятно, к этому же времени относится и милетская амфора из этого погребения (Дараган 2010: 179 сл.). В кургане у с. Китайгород в Приорелье была обнаружена милетская столовая амфора 610–580 гг. до н.э. (Ромашко и др. 2014: 113, рис. 4, 1; 5, 1).

В VI в. до н.э. доля греческого импорта наиболее высока в курганах Тясминской группы (правый берег лесостепного течения Днепра) — античные вещи содержит примерно каждый четвертый раскопанный здесь курган⁹³.

Еще раз отметим, что на этом фоне Немировское городище, наряду с Бельским, несомненно, является лидером в налаживании связей с греческими центрами в раннем железном веке. Это вполне соответствует представлению о значимости этого поселения, о том, что в раннем железном веке оно было достаточно влиятельным центром Правобережной лесостепи и, безусловно, являлось выгодным партнером в глазах греков. Конечно, сложно судить о том, получали ли жители этого поселения расписные сосуды и вино в амфорах в качестве дипломатических даров или же обменивали на них какие-либо товары. Несомненно, античная керамика, найденная на Немировском городище, свидетельствуют о достаточно ранних контактах его жителей с греческими центрами, установившихся не позднее середины VII в. до н.э. Можно предположить также, что контакты эти были достаточно интенсивными. «Пик» этих связей, очевидно, приходился на вторую половину столетия. С начала VI в. до н.э. можно говорить об «угасании» греко-варварских контактов или же о переходе их на какой-то другой уровень, не нашедший отражения в археологических материалах. Вероятно, после середины VI в. до н.э. по-

ставки античной керамики на городище по каким-то причинам прекратились. Примечательно, что в коллекции полностью отсутствует аттическая керамика, широкое распространение которой в варварских памятниках Причерноморья начинается с середины этого столетия.

5.6. Находки греческой керамики на Немировском городище в контексте проблемы ранних связей между греческим миром и варварскими центрами Северного Причерноморья

Весьма показательно, что в последнее десятилетие многие исследователи вновь обратились к древнейшим находкам греческой керамики в памятниках местного населения северного побережья Понта (см. Бруйко 2005: 229–237; Kerschner 2006а; Tsetskhladze 2007: 55–59, pl. 1; 2). Вероятно, это свидетельствует о назревшей необходимости в ревизии этих материалов, вызванной, во-первых, введением в научный оборот все новых и новых образцов, а также наметившейся в последнее десятилетие общей тенденцией к удревнению многих категорий находок (Kerschner, Schlotzhauer 2005; 2007; Schlotzhauer 2012; Буйских 2013а), как правило, приводящих к пересмотру существовавших ранее концепций (Буйских 2013б). И, хотя в этой книге не ставилась задача освещения всего круга проблем, связанных с распространением греческой архаической керамики в варварских памятниках Северного Причерноморья раннего железного века, стоит все же кратко остановиться на некоторых вопросах.

Время появления архаической расписной керамики в варварском мире Северного Причерноморья, ее распространение и проблема интенсивности греко-варварских связей

В рамках рассматриваемой темы следует, очевидно, обратить внимание на достаточно широкое распространение античного импорта в варварских комплексах второй половины VII — первой половины VI в. до н.э. на территории Северного Причерноморья в целом, по сравнению с другими областями античной

⁹³ Подсчет сделан на основании данных, приведенных в монографии В. А. Ильинской (Ильинская 1975).

колонизации, например с территорией Западного Причерноморья⁹⁴. Раскопки последних лет медленно, но неуклонно увеличивают количество находок античной керамики в регионе. Отметим здесь лишь важнейшие находки, сделанные на территориях степной зон, Тамани и Предкавказья, как хорошо известные, так и сделанные сравнительно недавно.

В степной зоне Северного Причерноморья важнейшей находкой и хронологическим репером, маркирующим начало первых контактов между греками и варварами, являются уже неоднократно упоминавшаяся ойнохоя из основного погребения кургана Темир-Гора близ Керчи. «Традиционная» датировка этого сосуда 640–630 гг. до н.э. (Копейкина 1972: 56; Cook, Dupont 1998: 36, 38, fig. 8, 5). М. Кершнер и У. Шлотцауэр «удревнили» эту дату на 10 лет и отнесли сосуд из Темир-Горы к периоду SiA Ib, то есть к 650–630 гг. до н.э. (Kerschner, Schlotzhauer 2005: 20, fig. 12).

Ойнохоя из кургана у с. Филатовка (Крым, район Перекопа) В. Н. Корпусова относил к 635–625 гг. до н.э. (Корпусова 1980: 100–103), а М. Кершнер — к несколько более раннему времени (Kerschner 1997: 217–218).

Два фрагмента фигурных сосудов последней четверти VII в. до н.э. происходят из курганов у р. Калитва и с. Криворожье в степном Подонье (Книпович 1935: 94, 100, рис. 25; 26).

Для территории Предкавказья самым восточным памятником, содержащим фрагменты восточно-греческой расписной (хисской) керамики конца VII–VI в. до н.э. стал курган 16 могильника Новозаведенное-II (Петренко и др. 2000: 240).

В Прикубанье, недалеко от ст. Крымская, в раннескифском кургане у хут. Красный были обнаружены две ойнохоя с росписью в ориентализирующем стиле (Шевченко 2013: ил. 8–10). Сосуды эти можно поме-

стить в ту же хронологическую группу, к которой принадлежат ойнохоя из Темир-Горы и немировские экземпляры, и датировать 650–630 гг. до н.э.⁹⁵ К сожалению, поверхность ойнохоя из кургана у хут. Красный сильно пострадала, что затрудняет анализ их изобразительных систем, можно отметить близость их декора росписи ойнохоя из Темир-Горы и Немирова, что, возможно, свидетельствует в пользу того, что эта группа сосудов вышла из одной мастерской (Шевченко 2013: 117).

В Закубанье при раскопках поселения Тарасова Балка были обнаружены фрагменты греческой архаической керамики, в том числе фрагмент стенки североионийской (?) ойнохи периода SiA Id (615–600 гг. до н.э.), фрагмент ионийского килика рубежа VII–VI вв. до н.э. и обломок чаши, датированной широко в пределах последней четверти VII — VI в. до н.э. (Рябкова 2015: 368, 370, ил. 7, 1–3).

Из района пос. Алексеевское под Анапой происходит фрагмент килика с изображением водоплавающих птиц (bird-bowl), который можно отнести ко времени не позднее самого начала первой четверти VI в. до н.э. (Харалдина, Новичихин 1994: 200; Schlotzhauer, Zhuravlev 2014: 216, fig. 10).

Ряд фрагментов ранней греческой керамики дали раскопки поселения Голубицкая 2 в северо-восточной части Таманского полуострова. В их числе — обломки североионийских столовых амфор 610–580 гг. до н.э. (Шлотцауэр 2016: 41, рис. 1–3), а также фрагменты двух североионийских чаш, относящиеся к 620–500 и 610–550 гг. до н.э. (Там же: 42, рис. 6, 7).

Сопоставив эти находки с находками, известными для лесостепи, речь о которых шла выше, можно прийти к выводу о достаточно интенсивных контактах между греками и местным населением Северного Причерноморья, начавшихся сразу же после основания здесь первых постоянных греческих поселений. Одну из причин столь широкого и раннего распространения здесь античных импортов, в частности, расписной керамики, можно видеть в гегемонии в эту эпоху в зоне степей скифских кочевых орд.

Согласно хронологии скифской эпохи, предложенной К. К. Марченко и Ю. А. Виноградовым, начало распространения греческой

⁹⁴ Г. Р. Цецхладзе проделал большую работу, сравнивая количественно находки античной архаической керамики, обнаруженной в негреческих комплексах других контактных зон (Великой Греции, Испании, Восточного Причерноморья), с группой синхронных находок из варварских памятников Северного Причерноморья (Tsatskhladze 2007: 55–61, pl. 1–5). Проведенный им сравнительный анализ количества и хронологии греческого импорта чрезвычайно интересен, но, на наш взгляд, не меняет общего впечатления об уникальности Северного Причерноморья как обширной контактной зоны.

⁹⁵ Автор раскопок предлагает датировать сосуды 40-ми гг. VII в. до н.э. (Шевченко 2013: 117).

расписной керамики в степной и лесостепной Скифии приходится на начало II выделенного этими исследователями периода, датирующегося 650–475 гг. до н.э.; время это понимается как период, достаточно благоприятный для развития греко-варварских связей (Marchenko, Vinogradov 1989: 807). Известно, что кочевое население обладало, по сравнению с оседлым земледельческим, более высокой «контактной активностью». Вероятно, кочевой образ жизни племен, населявших степную зону, способствовал «перемещению» отдельных вещей на значительные расстояния (Виноградов 2005: 234–235). Это, на наш взгляд, объясняет «разброс» на огромные расстояния ойнохой из Темир-Горы и Немирова, вышедших из одной мастерской (возможно, к продукции ее также относились сосуды из хут. Красного).

Пути распространения вещей, источники импульсов

Нельзя пока дать однозначный ответ на вопрос об источниках «античных импульсов». Несомненно, на наш взгляд, одно — их нельзя рассматривать как результат длительных доколониционных связей или контактов (Вахтина, Кашуба 2014: 72–76). Пути распространения вещей в туземной среде также не всегда представляются достаточно ясными.

Вероятно, пути распространения греческой керамики в варварском мире в архаическую эпоху были достаточно разнообразны. Имеющиеся в нашем распоряжении античные импорты второй половины VII — начала VI в. до н.э., обнаруженные в памятниках местного населения степной и лесостепной зон Северного Причерноморья, позволяют высказать предположение о наличии здесь как водных, так и сухопутных путей, связывавших эти памятники с античными центрами (Гаврилюк 1999: 264; Бандуровский 2001: 16). Вероятно, к одной из специфических особенностей северопричерноморского региона можно отнести то обстоятельство, что в результате кочевого образа жизни номадов, доминирующих в зоне степей, античный импорт распространялся на огромной территории, попадая на памятники, удаленные от греческих центров на большие расстояния (Виноградов 2009б: 63).

Часто памятники, где была найдена античная посуда, хорошо «увязываются» с греческими поселениями, соединявшимися вод-

ными коммуникациями с районами, где они были расположены. В литературе давно уже было высказано предположение о наличии речных путей по Южному Бугу и Днепру (Онайко 1966: 41–45). Термин «речной путь» в применении к таким рекам, как Южный Буг и Днепр, конечно, является не совсем точным и отражает лишь способ их использования в качестве основных магистралей. Наличие у этих рек труднопреодолимых порогов предполагает прохождение отдельных участков пути по суше. Это прекрасно иллюстрирует практика хождения по Бугу и Днепру в более поздние эпохи.

Существование еще одного речного пути, по Дону и его притокам, можно предположить в связи с находками античных импортных вещей в курганах на территории степного Подонья. В числе этих находок следует, прежде всего, отметить находки фигурных сосудов конца VII в. до н.э. из курганов у р. Калитва и с. Криворожье. Высока вероятность того, что эти сосуды попали вглубь варварской территории из Таганрогского поселения (Korylov 2007: 68–69, fig. 3; Копылов 2009: 29 сл.), функционировавшего с третьей четверти VII по середину — третью четверть VI в. до н.э. (Копылов 1999: 174–176; 2002: 229–230; 2004: 62–63; 2009; Копылов, Ларенок 1994). Существует и гипотеза, согласно которой поселение, возникнув в эпоху архаики как опорный торговый пункт (Далли и др. 2013а: 84), продолжало существовать и в классическое время (Далли и др. 2013б: 166). Однако приходится признать, что в силу каких-то причин (возможно, из-за неблагоприятной демографической ситуации в районе Нижнего Дона) Таганрогское поселение не смогло в своем развитии стать полноценным городским центром. Представляется маловероятным, чтобы это поселение могло быть источником античных импульсов для Немировского городища. Против этого свидетельствует не только дальность пути из Нижнего Подонья в Правобережную лесостепь, но и то обстоятельство, что среди находок на Таганрогском поселении основную массу керамических находок составляет продукция североионийских центров (см. Копылов, Литовченко 2006), тогда как в материалах Немирова ярко представлен Милет и другие центры Южной Ионии (Вахтина 2004б).

Наличие в эпоху архаики сухопутных путей, связывающих античные центры с варвар-

ской периферией, также не вызывает сомнений. В литературе давно высказана гипотеза о существовании торгового и сакрального пути, шедшего из Нижнего Побужья на восток, в Приуралье-Поволжье, а также на север и запад (Граков 1947; Скржинская 1984: 120–122; Кузнецова 1991: 87–91). Высказывались предположения о том, что античный импорт мог попадать на Бельское городище и из античных центров Северного-Восточного Причерноморья по традиционному Муравскому или Солянному шляху, еще функционировавшему в XVII в. (Шрамко 1987: 19–21; Болтрик 1981: 59–60; 1990; Задников 2015а: 14–15). Недавно была предпринята попытка реконструировать путь, который исследователи называли Ольвийским (Бессонова, Полтавец 2015), соединявший греческие поселения Нижнего Побужья и бассейн р. Тясмин и «отвечавшийся» и на соседние территории — бассейны рек Синюхи и Роси.

В зоне степей, несомненно, существовали и другие пути. На наш взгляд, с одним из таких «путей» — маршрутом военных походов и сезонных миграций кочевых скифов (какой-то части кочевой орды, возможно, «скифов-царских») из Приднепровья в Прикубанье, о котором пишет Геродот [Hdt. IV. 28] (Вахтина и др. 1980; Виноградов 2005: 213–220), хорошо соотносятся находки ойнохой в основном погребении кургана Темир-Гора⁹⁶ и впускном погребении кургана 2 у с. Филатовка (Вахтина 1991: 7–8; 2016: 14–16). К этому пути хорошо «привязываются» и находки из хут. Красного в Прикубанье. Наиболее правдоподобным, вероятно, можно признать предположение, что ойнохой из Темир-Горы, как и сосуды, фрагменты которых были обнаружены на Немировском городище, попали в скифский мир из греческих центров Побужья-Поднепровья. Возможно, эти сосуды даже принадлежали к одной партии товаров. Они могли быть проданы греками местному населению, обменяны или же выступали в качестве дипломатических даров. С сезонными миграциями кочевников можно также соотнести, вероятно, и другие памятники, принадлежав-

шие к началу VI в. до н.э., например погребение у Цукурского (Стеблеевского) лимана на Тамани (Вахтина 1993; Виноградов 2009а: 385)⁹⁷. В состав этого комплекса входила полихромная североионийская ойнохой (Прушевская 1917: табл. VII). В Северном Причерноморье такие сосуды представлены в материалах лишь одного греческого поселения — Березани (Прушевская 1917: 39, 44, рис. 3; 4; Борисфен–Березань 2005: 52, п. 66).

Наличие речных путей, связывающих Нижнее и Среднее Побужье, подкрепляет предположение о том, что греческая керамика могла проникать на Немировское городище (как на и другие варварские памятники лесостепного Поднепровья-Побужья) из греческих поселений, расположенных южнее, в прибрежной зоне, прежде всего из поселения на о. Березань (Борисфена). Однако нельзя не обратить внимание и на тот факт, что, несмотря на значительные керамические материалы, накопленные за многие годы раскопок Березани, здесь не удалось обнаружить образцов керамики, стилистически близкой фрагментам из Немирова. Напомним, что ближайшей аналогией росписи многих фрагментов из Немировской коллекции по-прежнему остается роспись ойнохой из кургана Темир-Гора в Восточном Крыму.

Долгое время Нижнее Побужье рассматривалось как основной регион, откуда вещи в архаическое время распространялись в отдаленные районы лесостепной Скифии. Однако в последнее время для какой-то части этих находок все более вероятным представляется западный путь. Он мог иметь несколько «ветвей», включая речные (по Пруту и Днестру), а также сухопутные пути. Образцы греческой керамики 640–630 гг., обнаруженные сравнительно недавно во время раскопок греческого поселения Оргамум в Западном Причерноморье (Manucu Adomeștianu 2000: 195–201, fig. 1, 1–5; 2003: 387, pl. II), возможно, свидетельствуют в пользу этого предположения (Вахтина 2004а: 56; Kerschner 2006а: 233–234, Abb. 7–10; Vakhtina 2007: 34). Между этим поселением и Не-

⁹⁶ Вещевой комплекс центрального погребения Темир-Горы, из которого происходит знаменитая ойнохой, в целом «тяготеет» к региону Поднепровья, откуда происходит большинство аналогий скифским вещам (Вахтина 1991: 3–8).

⁹⁷ Стилистические особенности ойнохой из Цукур-Лимана, а также упоминание о находке в одном с нею погребении «полосатого» ионийского килика (?) (не сохранился) позволили некогда высказаться в пользу датировки всего комплекса в рамках конца первой — второй четверти VI в. до н.э. (Вахтина 1993: 55). Однако не исключена датировка комплекса и более ранним временем — концом первой четверти столетия (подробнее см. Гречко 2012: 8, прим. 14).

мировском городище в лесостепном Побужье намечается цепочка памятников, давших находки греческой керамики конца VII — начала VI в. до н.э. — Куртень (Isopoti 1979: 82, fig. 4), Иване-Пустэ (Ганина 1971), Залесье (Ганина 1972), что также можно рассматривать как один из аргументов в пользу «западного пути».

Ранняя греческая керамика в варварских памятниках Северного Причерноморья: результат доколониционных контактов или свидетельство связей между постоянными античными поселениями и варварской периферией?

Для всех регионов древней ойкумены, вовлеченных в орбиту греческой колонизации, античные изделия, обнаруженные в слоях и комплексах, принадлежавших местному населению, служат надежным индикатором контактов между греческими колонистами и местным населением. Из варварских памятников Северного Причерноморья происходит довольно большое (по сравнению с находками, известными для других областей), количество греческих импортных изделий, относящихся к VII в. до н.э. Среди античного импорта особая роль принадлежит расписной керамике, которая является наиболее многочисленной категорией античной продукции, нашедшей распространение в туземном мире, или, скорее, наиболее широко представленной в дошедших до нас материалах. Известно, что находки расписных греческих сосудов являются основными хроноиндикаторами, на основании которых можно судить о времени установления первых контактов. Количество таких находок медленно, но постоянно возрастает как для степной, так и для лесостепной зон Северного Причерноморья. Круг подобных артефактов достаточно хорошо известен (сводки см. Брумяко 2005: 236–237, рис. 61; Иванчик 2005: 105–106; Tsetskhladze 2007: 55–63).

Находки восточно-греческой керамики из Немировского городища очень важны для понимания всех аспектов проблемы ранних греко-варварских контактов. Судя по их датировкам, ввоз греческой посуды на это поселение начался примерно в середине VII в. до н.э., а его «пик» приходился на последнюю треть столетия. Аналогичную картину можно реконструировать и для Бельского городища. Как полагают его исследователи,

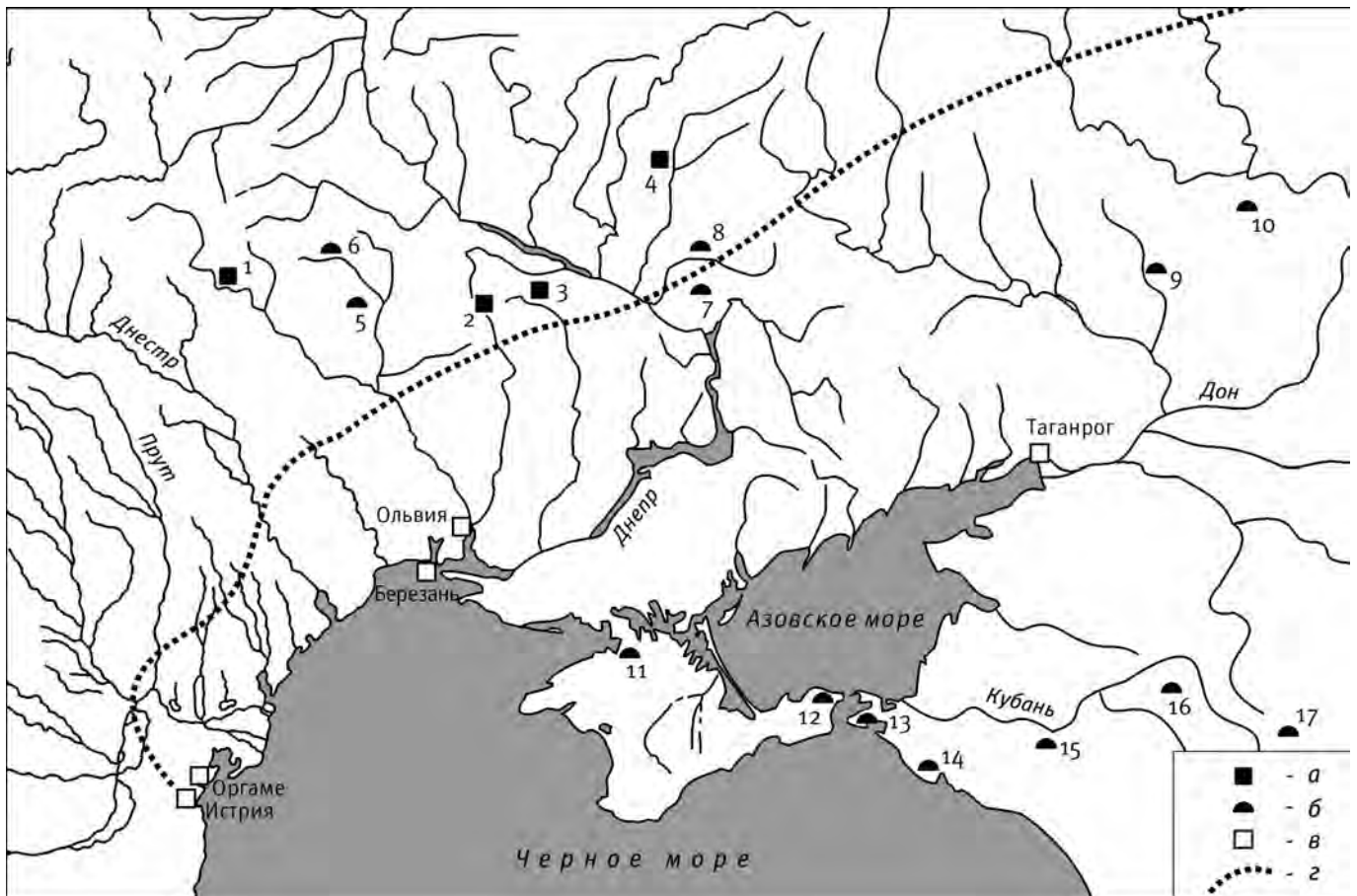
«впервые греческий импорт появляется на поселении в третьей четверти VII в. до н.э.» (Задников, Шрамко 2009: 476).

Вероятно, на основании известного в настоящее время круга находок можно сделать вывод о достаточно интенсивных контактах между греками и местным населением Северного Причерноморья в архаическое время. Это положение иллюстрирует карта, на которой мы постарались обозначить все памятники, где были обнаружены образцы греческой расписной посуды второй половины VII — начала VI в. до н.э. (рис. 167).

Исследователи, знакомые с проблематикой и материалами архаической эпохи, обращают внимание на принципиальное противоречие, возникающее как следствие удреждения датировок керамических образцов. Учитывая современные представления о датах архаической греческой посуды, мы неизбежно столкнемся с тем, что находки импортной керамики из варварских памятников будут «опережать» даты основания греческих поселений, то есть не вписываться в хронологические рамки начального периода существования античных колоний в Северном Причерноморье. Вернее, не будут соответствовать сложившимся представлениям о хронологии и характере греческой колонизации региона.

Это несоответствие вызвало к жизни на «современном витке» гипотезу о «доколониционных» контактах и связях греков с варварским населением региона. Отметим, что под доколониционными связями мы подразумеваем здесь не контакты между Северным Причерноморьем и областями Эгеиды, которые существовали еще в бронзовом веке, задолго до начала греческой колонизации (Вахтина, Кашуба 2014: 73–74; Kašuba 2006: 213 ff.; Кашуба 2013: 174 сл.), а связи, предшествующие колонизации и служившие целям «ознакомления» греков с регионом перед его дальнейшим освоением. Эта система взглядов была сформулирована некогда А. А. Иессеном в его «Греческой колонизации Северного Причерноморья» (Иессен 1947). Вот как он представлял начальный этап колонизации региона:

«Мы таким образом видим, что в VII в. впервые завязываются сношения между <...> местным населением северо-черноморских степей и греческими мореплавателями и торговцами, проникающими

до устья больших рек в северо-западной части моря до района Керчи, а возможно, и до Донской дельты. Торговля эта носит доколониальный характер, не сопровождающаяся созданием постоянных греческих поселений, за единственным исключением поселения на острове Березани...» (Там же: 57).

Отметим, что, создавая эту систему взглядов, исследователь опирался на известную статью Т. Н. Книпович (1934), а также развил «гипотетическое построение Э. Миннза» о первых, спорадических плаваниях греков (Minns 1913: 438–441). Английский исследователь полемизировал с М. И. Ростовцевым и Б. В. Фармаковским, видевшими в находках греческого импорта свидетельства уже установившихся контактов варваров с постоянными греческими поселениями. В конце 70-х гг. прошлого века отечественное антиковедение, казалось бы, отвергло концепцию об особом, «подготовительном» периоде, предшествующем основанию в Северном Причерноморье греческих колоний (Брашинский, Щеглов

1979: 34 сл.). Лишь С. Л. Соловьев полагал, что до основания на Березани постоянного поселения здесь какое-то время существовал эмпорий, а собственно поселение возникло несколько позже, в конце VII в. до н.э. (Solov'ov 1999: 30). Однако его взгляды долгое время не встречали поддержки (Виноградов 1999: 108; Мачинский 2011: 412–413).

Конечно, наличие «доколониционных контактов» во многих случаях помогало бы интерпретировать «труднообъяснимые» находки греческих вещей из варварских контекстов, также как и находки древнейших образцов керамики, обнаруженные при раскопках территорий греческих колоний (см. Буйских 2015а: 241). И подобный подход в нынешнем столетии начал приниматься исследователями. Так, например, по мнению Т. М. Кузнецовой

«...скальная гробница на Темир-Горе (та, из которой происходит упоминавшаяся неоднократно ойнохоя — М. В.), была, видимо, предназначена для грека,

Рис. 167. Греческая расписная керамика второй половины VII — начала VI в. до н.э. в варварских памятниках Северного Причерноморья.

Памятники:

1 — Немиров; 2 — Трахтемиров; 3 — Жаботин; 4 — Бельск; 5 — Болтышка; 6 — Репяховата Могила; 7 — Китайгород (Приорелье); 8 — Шандровка; 9 — Калитва; 10 — Цуцкан (б. Хоперский округ); 11 — Филатовка; 12 — Темир-Гора; 13 — Цукур-Лиман; 14 — хут. Анапский; 15 — хут. Красный (Крымск); 16 — Тарасова Балка; 17 — Новозаведенное-II.

Условные обозначения: а — городище/поселение; б — погребение; в — античное поселение/колония; г — примерная граница степной и лесостепной зон

умершего в ранний период ознакомления с Северным Причерноморьем, возможно, во время разведывательной экспедиции, связанной с обследованием районов предстоящего заселения» (Кузнецова 2002: 85).

Австрийский ученый М. Кершнер склонен рассматривать распространение ранней керамики в варварском мире региона как следствие доколониционной активности греков (Kerschner 2006: 239).

Наиболее логично и стройно концепция, предполагающая наличие особого периода греко-варварских контактов, предшествующих основанию постоянных греческих поселений в Нижнем Побужье, сформулирована в работах А. В. Буйских (Буйских 2013а; 2013б; 2015а; 2015б; 2016). Проанализировав массовые находки восточно-греческой керамики, найденные за годы археологического изучения Ольвии, исследовательница обосновала вывод о наиболее вероятной дате основания этой колонии в 620/610–590 гг. до н.э., что сократило временной разрыв между основанием Ольвии и Борисфена (Буйских 2013б: 223). Согласно концепции А. В. Буйских, Борисфен во второй половине VII в. до н.э. представлял собой эмпорий; поселение же городского типа возникло на Березани в конце VII — начале VI в. до н.э. (Буйских 2015а: 241). Эта модель была предложена исследовательницей и для других районов Северного Причерноморья, где первоначально греками были основаны «временные, а затем постоянные «торговые станции» как инструмент освоения нового социума» (Буйских 2013а: 22–23).

Представляется очевидным, что ключевым вопросом для обоснования гипотезы о периоде доколониционных связей является вопрос о дате основания постоянного поселения на о. Березань, древнейшей греческой апойкии в Северном Причерноморье. Это поселение традиционно и совершенно справедливо рассматривают как наиболее вероятный источник ранних «греческих импульсов». Для решения вопроса о времени его основания мы располагаем данными двух систем источников: письменных и археологических. Общепринятая дата, реконструируемая на основании хроники Евсевия — 647/646 гг. до н.э. (Euseb. Chron. cap. /Helm.B. 1984: 95 b). Д. А. Мачинский

предлагал помещать эту дату в диапазоне 649–643 гг. до н.э. (Мачинский 2011: 418). На наш взгляд, свидетельство письменного источника остается чрезвычайно важным. Трудно поэтому не согласиться с позицией В. Д. Кузнецова, полагающего, что «попытки омолодить эту дату на основании археологических материалов соответствующего времени вряд ли следует признать аргументированными, поскольку игнорирование письменного источника недопустимо» (Кузнецов 2013: 128).

Согласно же «археологической» периодизации, предложенной для Березанского поселения Д. Е. Чистовым, первая, ранняя фаза его существования относится к концу VII — началу VI в. до н.э. (Чистов 2012: 6 сл.). Нетрудно заметить, что этот вывод не снимает несоответствие между датами «первой волны» греческого импорта и временем основания древнейшего античного поселения в регионе. Впрочем, как признает исследователь,

«...периодизация базируется прежде всего на стратиграфических наблюдениях, предлагаемые ниже датировки <...> являются условными и подлежат корректировке в ходе дальнейших исследований памятника» (Там же: 6)

Если же мы примем предположение об особом, эмпориальном периоде существования Березанского поселения, которое в последнее время получает все большее признание (см. Яйленко 2017: 131–133), то это, конечно же, устранил все хронологические «неувязки».

Даты основания греческих поселений Северного Причерноморья, как и дата основания Березанского поселения, часто базируются на находках и датировках самых ранних строительных комплексов. Такой подход, несомненно, представляется обоснованным. Располагая такими данными, мы, безусловно, можем быть уверены, что поселение/городище существовало в предложенный период. Общеизвестно, что отдельные находки из раскопок греческих поселений часто «опережают» по времени связанные строительные остатки.

Признавая ненадежность определения времени основания греческих поселений «по одному черепку», все же нельзя абсолютизировать и подход, признающий достоверными критериями исключительно комплексы, так как из-за плохой сохранности древнейших

объектов всегда можно предполагать, что древнейшие остатки не дошли до нашего времени либо в силу каких-либо причин пока что не были выявлены исследователями.

Итак, при интерпретации находок ранней греческой керамики в туземном мире Северного Причерноморья мы должны либо объяснить их распространение активностью греков (и варваров) на протяжении «доколониационного периода», либо все же допустить предположение о том, что «источниками импульсов» могли быть постоянные античные поселения Северного Причерноморья, прежде всего, греческие центры Нижнего Побужья.

Гипотезы, предлагающие в качестве источников распространения импорта греческие центры сопредельных регионов, также уязвимы с точки зрения наличия «связных комплексов», синхронных времени распространения ранней греческой посуды в туземном мире. Так, например, на поселении Оргамум в Западном Причерноморье, исследования которого дали находки керамики 640–630 гг. (Mănucu Adameștiani 2000: 194–204, fig. 1), также не удалось выявить строительных комплексов этого времени. Тем не менее, эти находки дали основание для появления гипотезы о возможном «западном пути» распространения греческого импорта (Вахтина 2004: 208; Kerschner 2006: 232–234)⁹⁸.

Что можно сказать в заключение? Ничего удивительного в предположении о первых плаваниях и разведывательных экспедициях греков в отдаленные районы, которые позже были вовлечены в сферу колонизации. Другой круг вопросов — насколько длительным мог быть этот период доколониационных контактов? Играл ли в этот период торговый обмен с варварами какую-то особую роль в установлении первых связей? Или же найденные вещи, которые все исследователи справедливо относят к предметам роскоши, были дипломатическими дарами представителям местной аристократии?

⁹⁸ Время существования Таганрогского поселения, которое также часто рассматривается в качестве возможного «источника» распространения античных импульсов в Северо-Восточном Причерноморье в эпоху архаики, также определяется на основе датировок керамических находок (Копылов, Ларенок 1994; Копылов, Литовченко 2006).

Возможно, правы те «умеренные» исследователи, которые допускают существование такого периода «доколониационных связей» в течение краткого отрезка времени, непосредственно предшествующего появлению первых постоянных поселений. Так, по мнению А. И. Иванчика:

«трудно <...> полагать, что в эпоху Великой колонизации между открытием и освоением столь удобной территории могло пройти значительное время» (Иванчик 2005: 107).

Итак, как нам представляется, перед современными исследователями опять стоит проблема: для понимания раннего этапа греческой колонизации региона и начального периода греко-варварских связей приходится либо принять дату письменного источника об основании здесь первого античного поселения, либо реконструировать некий особый «доколониационный период». Вероятно, как справедливо полагают многие, приблизиться к ее решению помогут новые археологические материалы и комплексы находок.

5.7. Заключение

Судя по дате находок, регулярное поступление греческой посуды на Немировское городище началось примерно в середине VII в. до н.э., его «пик» приходился на вторую половину VII в. до н.э., что позволяет говорить о достаточно ранних и интенсивных контактах его обитателей с греческим миром. Декор некоторых образцов немировской коллекции демонстрирует стилистическую близость росписи знаменитой ойнохой из основного погребения в кургане Темир-Гора в Восточном Крыму, что позволяет высказать предположение об изготовлении этих сосудов в одной мастерской (Копейкина 1972: 157–158).

Однако продукция этой мастерской неизвестна нигде за пределами варварского мира Северного Причерноморья. Возможно, посуды, попавшие в Немиров, и ойнохоя из Темир-Горы представляли собой часть «партии» товаров, единовременно появившейся на северопричерноморском варварском рынке как единое целое в период начального

освоения региона древними греками; часть этой партии в результате непосредственных или опосредованных контактов между греческими поселенцами и варварами достигла Немировского городища. Ойнохоя же, найденная впоследствии в Темир-Горе, попала в курган в Восточном Крыму в результате миграции.

Приходится искать ответы и на вопросы, из каких античных центров и каким образом греческая керамика проникла на городище. Наиболее вероятным источником представляется поселение на о. Березань в Нижнем

Побужье, существовавшее во второй половине VII в. до н.э. Однако не исключен и «западный путь», наличие которого вполне допустимо на фоне широких «западных» связей Немирова, прослеживающихся в его материальной культуре, на что в свое время обратил внимание еще А. А. Спицын (см. Смирнова 1996: 80–81; 1998: 115–116; и др.) (см. гл. 4; 6). В первой половине VI в. до н.э. ситуация кардинально меняется — связи между греческими центрами и жителями городища стали менее интенсивными или же перешли на качественно иной уровень.